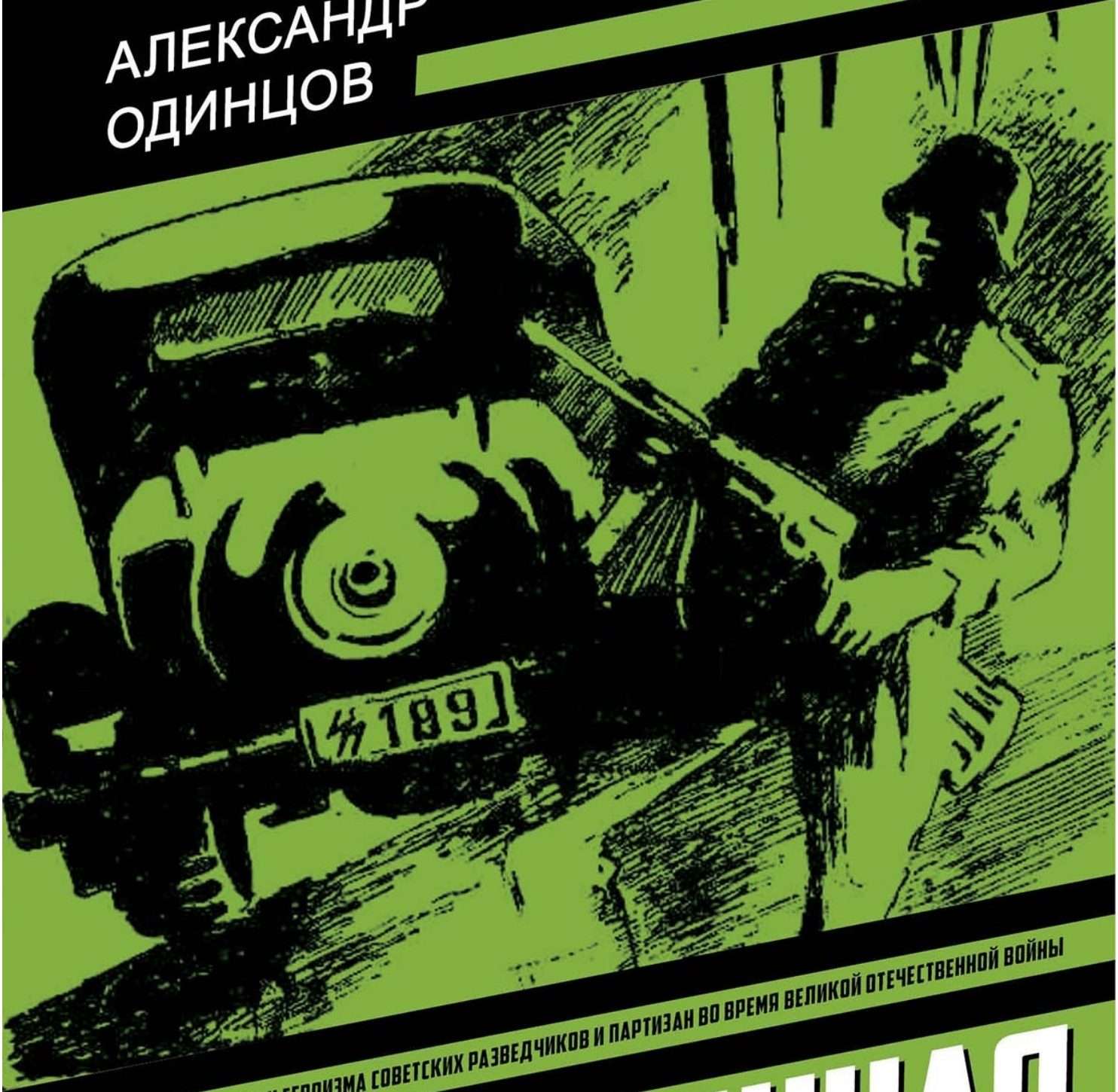
АЛЕКСАНДР ОДИНЦОВ

ИСТОРИЯ МУЖЕСТВА И ГЕРОИЗМА СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ И ПАРТИЗАН ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НЕПОКОРЕННАЯ БЕРЕЗИНА

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Александр Одинцов

Непокоренная Березина

«Алисторус»
1985

УДК 82-311.6:355-40
ББК 84стд1-445.5:68.23-2

Одинцов А. И.

Непокоренная Березина / А. И. Одинцов — «Алисторус», 1985 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-325-2

Книга Александра Ивановича Одинцова «Непокоренная Березина» – это захватывающий исторический роман, погружающий читателей в атмосферу Великой Отечественной войны. Основанная на реальных событиях, книга повествует о героизме и мужестве советских разведчиков и партизан, действующих в глубоком немецком тылу. С августа 1942 года Александр Иванович Одинцов – комиссар оперативного разведывательного отряда (командир отряда – майор Артур Спрогис) разведотдела штаба Западного фронта, который действовал в тылу немецко-фашистских захватчиков на территории Смоленской области и Белорусской ССР. После ранения А. Спрогиса осенью 1943 года заменил его на посту командира отряда. Особо отличился при подготовке и проведении советскими войсками стратегической наступательной операции «Багратион». В 1944 году был тяжело ранен и эвакуирован самолётом на «Большую землю».

УДК 82-311.6:355-40
ББК 84стд1-445.5:68.23-2

ISBN 978-5-00269-325-2

© Одинцов А. И., 1985
© Алисторус, 1985

Содержание

Первая военная зима 6
Подбор людей 10
До свидания, родная Москва! 17
На белорусской земле 21
Хозяева мнимые и истинные 24
Встреча с командирами десантных отрядов и групп 28
Старший лейтенант Сорока 33
Девичий «атаман» 38
Борис Вацлавский 47
Алексей Бухов 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Александр Иванович Одинцов
Непокоренная Березина

© Одинцов А. И., 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Первая военная зима

Стояли последние мартовские дни сорок второго года. Было не по сезону холодно. Казалось, суровая, многоснежная, с трескучими морозами и густыми метелями зима первого года войны бросила дерзкий вызов и теперь не намеревалась без боя уступать весне.

Глубокая тревожная ночь. На настольных часах в кабинете директора подмосковного Кунцевского завода, видимо, специально оставленных при эвакуации, чтобы отсчитывали время до возвращения хозяев в родные стены, уже третий час. Пора отдохнуть бы. За окном даже метель улеглась, перестала стонать, греметь куском жести, сорванным с крыши при бомбежке. Но офицерам одного из отделений разведотдела штаба Западного фронта не спалось. Сняв с себя меховые безрукавки, они стояли в жарко натопленных директорских апартаментах у огромной, во всю стену, оперативной карты и, уставшие, с набрякшими глазами, обсуждали ход военных действий, высказывали свои мнения, предположения, задумки, даже пытались заглянуть на полгода, а то и целый год вперед. Не курили, чтобы не затуманивать и без того перенапряженные мозги. Кому становилось невмоготу, выходили в холодный «предбанник» – небольшую приемную, задымленную до черноты. Общее впечатление об обстановке складывалось неплохое. Первые победы Красной Армии под Москвой, Тихвином и Ростовом укрепили дух народа и его веру в окончательную победу над врагом. Наступление Калининского и правого крыла Западного фронтов все еще продолжалось, однако военные действия носили менее ожесточенный характер. Враг продолжал откатываться назад, оставляя много населенных пунктов, хотя Гитлер еще 8 декабря вынужден был отдать приказ о переходе своих войск к обороне на всем советско-германском фронте, любой ценой удержать районы, имеющие важное стратегическое и военно-хозяйственное значение. Немецко-фашистское командование рассчитывало, пополнив войска людьми и вооружением, отразить контрнаступление Красной Армии. Но им, разведчикам, лучше чем кому бы то ни было другому, было ясно, что вражеским замыслам не суждено осуществиться.

Еще трещали морозы, мели косые поземки. На фронтовых дорогах, ведущих на запад, все еще росли синие переметные сугробы. Их по-прежнему крушили гусеницы советских танков, колеса машин, конские копыта, сотни, тысячи солдатских валенок, сапог, угольники волокуш… Днем и ночью части Красной Армии, взламывая немецкую оборону, рвались вперед, на запад. Обойдя с севера и запада левое крыло группы армий «Центр», они создали угрозу тылу ее главных сил, нарушили взаимодействие с группой армий «Север». Вражеское командование срочно перебросило сюда более десятка пехотных дивизий и охранных бригад. Разгромить усиленную немецко-фашистскую группировку и освободить Ржев, Гжатск и Вязьму из-за отсутствия необходимых резервов советские войска не смогли и на ряде участков стали переходить к обороне. Южнее Вязьмы героически сражались воины 33-й армии и 4-го воздушно-десантного корпуса, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и партизаны Смоленщины.

Не затихал грохот канонады на всех участках советско-германского фронта. Под Ленинградом и Тихвином зимой 1942 года были нанесены сильные удары по гитлеровским войскам. На старорусском направлении войска Северо-Западного фронта разгромили три вражеских дивизии и зажали в Демянском котле еще семь. Но бои по уничтожению окруженных под Демянском войск 16-й армии Гитлера затянулись.

Огромная оперативная карта пестрела флажками.

– В общем неплохо потрудились наши войска, – как бы подводя итог обзору событий, заметил майор Можаров. – Но все же задача, поставленная перед нашим фронтом, выполнена далеко не полностью, товарищи. Скажем это прямо.

– А в чем причины, товарищ майор? Почему так и не удалось завершить все задуманные операции на основных направлениях? – спросил капитан Рогозин.

– Силенок у нас пока еще маловато. Полагаю, в этом главная загвоздка. Да и опыта еще не тово…

– Верно! – встал сидевший верхом на стуле и молча обнимавший его спинку старший политрук с орденами Ленина и Красного Знамени на груди. – Враг пока по-прежнему силен.

В комнату вошел в накинутом на плечи белом полушубке заместитель начальника разведотдела полковник Мильштейн. Почуяв тепло и уют, сбросил его на свободный у порога стул.

– Вы что же не спите? Ведь в вашем распоряжении осталось меньше двух часов! А прибавки на отдых не ждите.

– Да вот прикидываем, сколько еще Гитлеру трепыхаться… – ответил начальник отделения подполковник Шищенко. – Думаем-гадаем, как дальше развернутся события на фронтах.

– Я понимаю вас, – включился в беседу, присев у стола, Мильштейн. – Этой думкой живет сейчас каждый боец и командир, вся страна живет! Скажу одно: сегодня, конечно, трудно предвидеть и оценить все последствия зимней наступательной кампании советских войск, в особенности разгрома отборных фашистских войск под Москвой. Но посмотрите сюда, друзья! За четыре месяца враг драпанул на сто пятьдесят – четыреста километров. А? Звучит? Немецко-фашистское командование в глубоком трансе. Теперь уже ясно: план молниеносной войны провалился. С треском! Вы понимаете, что это значит!

Полковник подбросил полено в печку.

– Но все ли у нас самих хорошо было? Везде ли командиры твердо знали, каков впереди противник, какие у него резервы в ближайшем тылу и так далее. И мы с вами, друзья, давайте честно признаемся, просмотрели переброску вражеских дивизий из резерва в район Ржева, Гжатска и Вязьмы. А итог? Войска Калининского и Западного фронтов так и не соединились в районе Вязьмы. А трагическая судьба тридцать третьей армии генерала Ефремова? Почему целой армии не удалось вырваться из вражеского окружения под Вязьмой? Знал ли командующий, что придется пробиваться с боями на восток по территории, забитой войсками четвертой танковой группы противника? Если знал, то этот прорыв был бы заранее обречен на провал. Скорее всего, не знал. Но тогда где была разведка – армейская, фронтовая?

Мильштейн встал.

– Вот и я заговорился с вами. Словом, задачек перед нами много, друзья. Надо думать и думать. А пока – отдыхать! Завтра, а точнее уже сегодня, придется крепко поработать.

Встречая весну 1942 года, командование Западного фронта не сомневалось в том, что гитлеровцы вскоре попытаются перехватить инициативу и нанести решительное поражение Красной Армии. К тому же не совсем удачно сложилась конфигурация линии фронта перед войсками Калининского и Западного фронтов. Особенно сложная обстановка была в треугольнике Ржев – Вязьма – Смоленск. Перед разведывательным отделом штаба Западного фронта, естественно, встала задача разгадать замыслы врага на весну и лето, определить основные направления, на которых вскоре суждено будет разыграться главным событиям.

Еще не развеялись тревоги за судьбу родной столицы, испытавшей тягостные дни осени сорок первого года. Извлечены были первые уроки, сделаны соответствующие выводы. Постоянная забота о безопасности Москвы вынуждала военный совет Западного фронта усиливать не только войсковую, но и глубокую оперативную разведку.

В фашистский тыл выбрасывались с парашютами все новые группы опытных разведчиков, широко использовались разведывательные данные партизанских отрядов. Встала проблема координации общих действий. Поэтому в августе 1942 года решением командующего Западным фронтом была создана на временно оккупированной фашистами территории оперативная группа разведотдела штаба фронта.

В один из жарких августовских дней в кабинете начальника штаба фронта генерал-полковника Соколовского собрались четверо. Сам хозяин, начальник разведки фронта полковник Ильницкий, а также разведчики Спрогис и батальонный комиссар Огнивцев, имевшие

большой опыт работы в тылу противника. Разговор начался не сразу. Соколовский подписал несколько срочных бумаг, ответил кому-то по телефону, убрал со стола в сейф папку с донесениями и только после этого, усевшись поближе к приглашенным командирам, заговорил:

– Положение на фронтах, надеюсь, вам хорошо известно. Оно не из легких. Особенно под Воронежем и на сталинградском направлении. На нашем фронте летом этого года враг крупных боевых действий пока не предпринимал, но тем не менее мы должны смотреть вперед. Наступит время, и фронты двинутся на запад, – генерал сказал это с непоколебимым убеждением. – Да и теперь нужен острый глаз за противником в его оперативной глубине. Не так ли, товарищ Ильницкий?

– Нами кое-что уже предпринято в этом направлении, товарищ генерал, – ответил начальник разведки. – Так, например, мы заслали для глубокой разведки ряд небольших разведывательных отрядов и групп. В частности, в районе Минска, Борисова, Бобруйска действуют группы Колесовой, Сороки, Букова, Вацлавского и другие. Правда, пока еще не все они активно питают нас нужными данными.

– Вот это как раз и беспокоит нас. Отряды действуют разобщенно, а потому малоэффективно, допускают срывы, а то и крупные провалы. Отмечаются случаи гибели разведчиков… С таким положением нам никак нельзя мириться.

В кабинете на минуту воцарилась тишина. Все помимо воли своей глубоко вдумывались в смысл сказанных слов и переживали их трагизм, не в состоянии избавиться от потаенного чувства и собственной причастности к происходящему и связанной с этим неосознанной вины. Хотя за каждым из присутствующих, конечно же, никакой вины не было.

Соколовский вышел из-за стола и шагнул к настенной карте со штабными пометками.

– Смотрите! Здесь, в глубоком тылу противника, в районе Минск, Бобруйск, Борисов и Могилев, действуют наши разведывательные группы и отряды. Через этот район пролегают главные артерии, питающие группу армий «Центр». Если мы срочно направим сюда, в леса юго-восточнее Борисова, оперативную группу и поручим ей координацию действий отдельных групп, то дело пойдет совсем по-другому. Находясь непосредственно во вражеском тылу, командование группы будет значительно лучше знать обстановку и, имея под рукой опытных разведчиков и диверсантов, сумеет точно координировать их действия, а также создать надежную разведывательную сеть, наладить диверсионную работу. Возглавит все это архиважное дело… – Соколовский посмотрел на стоявшего рядом ясноглазого блондина, – наш опытный разведчик Артур Карлович Спрогис.

– Слушаюсь! Есть! – вытянул тот руки по швам.

Соколовский подошел к Огнивцеву и взял его под локоть.

– А на ваши плечи, товарищ батальонный комиссар, возлагается комиссарская ноша. В штабе фронта вас помнят еще по первому рейду и надеются…

– Благодарю за доверие, товарищ генерал. Постараюсь оправдать, – ответил просто, но с достоинством двадцатидвухлетний парень с двумя боевыми орденами на груди, необычайно строгий и скрытный на вид, с постоянным напряжением прицеливающихся к собеседнику голубых глаз.

Соколовский оценил этот взгляд и едва заметно улыбнулся краешком губ.

– Вот и хорошо. Думаю, что помимо всего прочего вам будет интересно еще разок побывать в «гостях» у старых знакомых.

Генерал опять сел за свой большой рабочий стол, заваленный оперативными документами, картами, какими-то справочниками с пестрыми хвостами закладок. Лицо опять деловитое, решительное.

Сейчас он полностью отрешился от всего того сложного многообразия дел, связанных с ответственнейшими задачами, стоящими перед фронтом, которые он, начальник штаба, дол-

жен решать, и переключился целиком на одну, конкретную, но очень важную задачу… Сейчас он собирал в дальний путь оперативную группу!

– Нам думается, что работу вашу надо конкретизировать. Кроме исполнения общих обязанностей командира и комиссара надо взять на себя конкретные функции. Товарищ Спрогис возглавит диверсионную деятельность, а Огнивцев займется вплотную разведкой, поскольку более семи месяцев занимался ею в разведотделе штаба фронта, а стало быть превосходно знает обстановку в этом районе. Как мне доложил начальник разведотдела, в этом районе работают несколько разведывательных групп, подготовленных вами. Так, товарищ Огнивцев? Вот вам и карты в руки. Возражений нет?

Командир и комиссар молча встали. Соколовский скупо улыбнулся:

– Ну, раз возражений не поступило, давайте теперь обговорим все вопросы, связанные с организацией, материальным обеспечением, подготовкой и выброской оперативной группы в тыл врага.

Подбор людей

Оперативной разведывательной группе предстояло совершить бросок по воздуху через линию фронта, в белорусские леса, облегавшие город Борисов с юго-востока. Требовалось отобрать четыре десятка опытных и смелых мастеров своего дела, способных не только руководить уже действующими против врага разведчиками и диверсантами, но и самим организовать новые группы из местного населения. Нужны были рядовые и младшие командиры, волевые, натренированные, стойкие, смелые, смекалистые, находчивые, хорошо владеющие оружием, знающие подрывное дело, непременно побывавшие под вражеским огнем и доказавшие способность не дрогнуть перед тяжкими испытаниями, даже перед самой смертью.

Хотя в штабе фронта и указали, что группу лучше всего сформировать из числа разведчиков, вернувшихся с боевых заданий и находившихся в то время в резерве, в войсковой части, расположенной в живописном месте, на окраине столицы, но командир и комиссар понимали, что сделать это будет не легко. Загвоздка в том, что там не было сколоченных подразделений. Люди собрались из разных отрядов и групп, многие командиры которых погибли при выполнении боевых заданий в тылу врага. У кого расспросишь о боевых качествах приглянувшегося бойца или сержанта? Действительно, пришлось на ходу изучать людей – на занятиях, тренировках, даже в столовой и клубе… По отношению к делу, по рассказам о стычках в фашистском тылу. Наметанному глазу командира и комиссара порой одной какой-то детали хватало, чтобы увидеть сокола по полету, уловить главную черту его характера, понять способности и настроения.

В один из душных августовских вечеров Огнивцев сунул в свою летную командирскую планшетку записную книжку и отправился в расположение резерва. Ужин только что кончился, кино в клубе еще не крутили и «резервисты» высыпали во двор под деревья скверика возле клуба студентов МЭИ. Одни прохаживались по дорожкам, другие толпились у газетной витрины, где висела вечерняя сводка Совинформбюро, третьи, усевшись на длинных лавочках, а то и прямо на жердочках цветников, весело балагурили, вспоминая фронтовые или довоенные приключения.

– А вот в нашей дивизионной разведке случай был, так случай, – заворожив с дюжину бойцов, услаждал их уши усач в форме старшего сержанта. – Приказывает как-то нам начальник разведки майор Бедин в одну ночь добыть «языка» под Селижаровом. А как его добыть, когда на дворе не май, а декабрь, и мороз жмет под сорок. Фашисты в прочных блиндажах отсиживаются, мундиры у жарких печей от насекомых освобождают, аж хруст идет… Попробуй, выкури такого курортника на мороз да утащи на своих же плечах. Дудки! И тогда мы на хитрость пошли. Подогнали к дзотам теленка, хвост ему накрутили как следует, а он как замычит! Мамочки родные! Мясо! Говядина! Фашисты и повыскакивали ловить заблудшую скотину. Видать, у них с харчами тогда не так богато было. Тут мы их и накрыли. Вот свят бог! Сразу двоих и сцапали.

– Брешешь, дружок. Как пить дать, брешешь, – воскликнул кто-то из скептиков. – Где же вы теленка на передовой взяли?

– Какого теленка? Разве я о нем говорил? Разве мы дураки скотину к фашисту гнать. Васька, наш самый шустрый разведчик, по-телячьи мычал. Василь Бондаренко из-под Чернигова. Разве не слыхал про такого?

Бойцы дружно хохочут, а комиссар тут же берет на карандаш усатого с двумя медалями «За отвагу» на груди.

Другой весельчак заливал совсем иное:

– Нет, братцы, что ни говорите, а наши курские девчата лучше всех.

– Это за что же им честь такая?

– А ты кумекай сам. Ваши калужские чуть темь – по сеновалам целуются, а наши всю ночь сидят на завалинках и так сердечно поют. Целый свет обойди – не сыщешь певуний таких. Ты думаешь, откуда взялось «курские соловьи»? Эх, мне бы теперь туда, посидеть под родимой ракитой!.. Да проклятый фашист дорогу загородил.

– А ты разгороди ее! Чего воздыхаешь?

– Погоди. Не все сразу. Придет черед… Ох, как разгорожу!

У соседней скамьи своя тема:

– Сколько жить буду, никогда не запамятую того проклятого «мессера» и очкастого фашиста в его кабине. Рыжий, плюгавый, тьфу, проклятый… В чистом поле он застукал нас, ни тебе куста, ни пня, ни деревца… Ни одной канавы, как на грех. Троих с первого захода, а за нами, кружившими по снежному полю, настоящую охоту развернул. До самой земли, гад, снижался, чуть не колесами давил. И такая у него звериная осклабина на роже. Я даже оспины разглядел. Рябой паразит… Настырный. Мы по нему из автоматов, а он… на нас напролом, аж позеленел весь. На третьем заходе, зараза, зажал так, что деваться вовсе некуда. Лежим распластанные, глядим, как он прет на нас прямо. Мой дружок Клюев Коля и говорит: «Эх, досада какая! Столько прошли невредимыми, столько смерти в глаза смотрели, проносило, а тут…» Погиб друг мой неразлучный. Пулеметной очередью разрезало. Да разве только его.

– Вы-то?.. Вы как спаслись, Сандыбаев?

– А на меня у рыжего шакала патрона не хватило. Ушел…

– Вот так-то ребята. Видать, наш Сандыбаев кем-то заворожен.

«Сандыбаев! Да это же лучший разведчик нашего Отряда особого назначения. Вот так встреча! Нежданно, негаданно. Как он здесь очутился? Ведь он с отрядом еще зимой ушел в леса западнее Сухиничей. А может, тот мессер помешал?» – встрепенулся Огнивцев и с ходу прорвался сквозь плотное кольцо бойцов. Широко раскинул руки.

– Алимхан! Как ты попал сюда? Откуда?

Они вышли из круга, тихо пошли по аллее. Сандыбаев рассказывал:

– Мы дважды ходили в тыл врага западнее Сухиничей. Оба раза с боевым заданием отряд справлялся.

– А как много бойцов и командиров из нашего бывшего отряда находятся сейчас в резерве? – перебил его комиссар.

– Тех, которых вы знаете, осталось совсем немного, человек десять – пятнадцать. Кое-кто еще после первого задания зимой сорок второго остался воевать в стрелковых частях на передовой, раненые и больные разъехались по госпиталям. Таких тоже хватало…

– Кто возглавляет группу бойцов вашего отряда в резерве?

– Как кто? Да наш же боевой командир – капитан Алексеев.

– А где он сейчас? – обрадовался Огнивцев.

– Да вместе с нами. Я его видел несколько минут тому назад на ужине. Разрешите, я его найду и приглашу к вам?

Минут через десять комиссар и капитан Алексеев, вернувшийся недавно с боевого задания и находящийся на отдыхе, после бурных объятий беседовали в курилке у входа в казарму.

– Сандыбаев мне рассказал о ваших боевых делах, – начал первым комиссар. – Рад я за всех вас и особенно за тебя, дорогой Николай Федорович. Доволен, что отряд, которым ты командовал, дал фашистам перцу. Долго помнить будут!

– Приходилось туго и жарко, товарищ комиссар, – с подчеркнутым уважением отвечал Алексеев. – Но боевую славу Отряда особого назначения мы не уронили. Были большие потери. Погибли старший лейтенант Брандуков, рядовой Нечаев, сержанты Кузнецов, Родионов, Метальников – да много их сложило головы… Отличные разведчики! Да вы их помните, конечно, смелые были ребята, надежные… Жалко. Ох, как жалко. Но война есть война… Зато

немало ушло на тот свет и фашистов от их метких очередей и взрывов на дорогах. Думается, что мы у них не в долгу.

– А сейчас чем заняты? Какие твои личные планы на будущее, Николай?

– Резерв, как сами понимаете… Немножко отдохнем. А что? Разве дело есть?

У Алексеева загорелись глаза. Как видно, дни вынужденного бездействия ему порядком поднадоели. Он ведь был весь в деле, в схватках с оккупантами.

– Да, есть кое-что.

– Сложное?

– Пожалуй, посложнее рейда под Велиж. Есть задумка двинуться в Н-ские леса и «поработать» в глубоком вражеском тылу.

– Товарищ батальонный комиссар. Да это же здорово! – воспрянул духом Алексеев. – Возьмите нас! Ей-богу, не пожалеете. Да мы за потерянных ребят хоть самому дьяволу хвост оторвем. Вы же нас знаете. А может, группа уже укомплектована? А?..

– Нет. Пока что ходим, присматриваемся к людям. По золотнику отбираем.

Алексеев уцепился за рукав батальонного комиссара:

– Не откажите! Сердцем прошу! Заверяю… Вы же меня знаете…

– Дорогой Алексеев. Да я тебя с превеликой радостью возьму. С такими людьми любому командиру воевать надежно. Более скажу, тосковал я о вас, как родной брат волновался. Все пытал себя: как вы там? Не попали ли в беду, не напоролись ли на засаду, не померзли в те жуткие морозы?..

– Всяко было, – горько улыбнулся Алексеев и спросил, чтобы уйти от неприятных воспоминаний: – Вы пока в штабе?

– Нет. Уже состоялся приказ о новом назначении. Командиром назначен подполковник Спрогис, я – комиссаром.

Алексеев остановился.

– Спрогис. Слыхал о таком. Если не ошибаюсь, командир войсковой части. А вот что за человек – не знаю. Разведчик?

– Да. И не плохой. Нравится мне в нем, Коля, многое. Энергичность, молодцеватость, строгость, скрытная хитринка, светлый ум… Словом, есть все, что надо разведчику. Артур Карлович – смелый, мужественный командир. Для нашего поколения он – как бы человек из легенды, представляешь, с четырнадцати лет с шашкой и наганом за беляками гонялся! За Советскую власть! Он уже с тех юных пор понимал сердцем коммунистические идеалы, верность долгу. И понимал, и принимал. В общем, с командиром, Николай Федорович, нам больше чем повезло.

Сидя на скамейке, во дворе института, комиссар подробно рассказал Алексееву о жизненном пути командира. Зрелых лет – вот только-только тридцать восемь исполнилось, отметили прямо в казарме… В 14 лет – разведчик Красного партизанского отряда, в 15 – развед-взвода 7-го латышского стрелкового полка. Уже красноармеец! Для Артура, сына батрака из имения немецкого барона под Ригой, а затем рабочего Рижского вагоностроительного завода, был единственный выбор: идти с теми, кто из нужды не вылезал, кто познал палку и плеть русских царей, немецких баронов, предательство собственных богатеев. Естественно и просто, что Карл пошел по пути отца, большевика и партизанского командира в гражданскую войну, полыхавшую в Прибалтике.

Юношу целиком увлекла борьба. Большевистские идеи воспитывали в нем подлинного интернационалиста. Он сражается плечом к плечу с русскими и украинскими братьями, такими же обездоленными, как и он.

1920 год. На юге орудует барон Врангель, в Белоруссии вершит расправу наемник панской Польши атаман Булак-Балахович, на Украине бесчинствуют Петлюра, Махно, Зеленый, Ангел, разные мелкие «батьки».

Латышские стрелки с частями Красной Армии идут громить интервентов на юге и западе. Перед отправкой на фронт шестнадцатилетнего пулеметчика курсантской роты Кремлевского военного училища имени ВЦИК принимают в партию большевиков. Будучи курсантом первых советских пулеметных курсов в Кремле (в те времена школа имени ВЦИК), самый молодой из товарищей Артур Спрогис частенько стоял часовым на посту № 27, у квартиры Владимира Ильича Ленина, с затаенным дыханием провожая глазами великого вождя, когда он, усталый, возвращался домой или по утрам, шел на работу…

На фронте молодой пулеметчик, но уже опытный партизан становится полковым разведчиком, сотрудником особого отдела Юго-Западного фронта при сводном отряде. Под видом деревенского паренька, разыскивающего родителей, Артур пробивался из села в село, разведывал вражеские гарнизоны, склады оружия, выпытывал имена главарей контрреволюционного подполья. Уже позднее на Украине он даже проник в логово хитрого и коварного врага Махно и добыл ценные сведения о замыслах вожака анархистской банды, которые очень пригодились нашему командованию…

После гражданской войны Артур Спрогис остается на западных рубежах Родины, преследует вражеских диверсантов, контрабандистов, связников иностранных разведок. Летом тридцать шестого он, теперь уже выпускник Высшей пограничной школы ОГПУ, отправляется добровольцем на фронт в Испанию, горя желанием помочь республике подавить мятеж кровавого генерала Франко. В самую трудную боевую пору инструктор республиканской армии Испании Артур Спрогис становится командиром спецотряда разведчиков 11-й интернациональной бригады, действующего в основном во вражеских тылах. Под его руководством андалузские шахтеры, батраки латифундий, мадридские студенты овладевают искусством борьбы и успешно взрывают патронный завод в Толедо, надолго лишая немецко-фашистский легион «Кондор» боеприпасов. Затем уничтожают двадцать эшелонов с продовольствием и горючим. От их рук взлетают в воздух мосты и переправы. Наконец отряд захватывает под Гвадалахарой в дерзкой схватке группу старших офицеров мятежного штаба и ценные документы…

Почти два года провел в боях на Пиренеях Артур Спрогис. Орден Ленина и орден Красного Знамени заслужил он на испанской земле в первых яростных сражениях с фашизмом, нависшим зловещей тучей над Европой. Он стал испытанным большевиком-интернационалистом.

Артур Карлович Спрогис как бы вобрал в себя все те лучшие качества, что Коммунистическая партия воспитала у молодого поколения, которому суждено было своими руками строить социалистическое общество и защищать его от недругов. Это и высокая идейность, политическая страстность, великая, необоримая любовь к Советской Родине, навсегда избавившейся от капитализма, это и классовое уважение и солидарность с угнетенными народами мира, сочувствие, органически связанное с желанием и стремлением активно помочь им избавиться от гнета, это и жгучая, неугасимая ненависть к врагам мира и социализма, готовность к борьбе с ними до победного конца.

С началом Великой Отечественной войны Спрогис снова на переднем крае – в разведке.

Рассказывая обо всем, что можно было рассказать верному боевому другу и что в сущности перестало уже быть секретом, Огнивцев не жалел красок и не сдерживал собственных эмоций. Он искренне уважал Спрогиса.

– Да-а, совсем вы меня доконали, Иван Александрович, – расстроился Николай Алексеев. – Как же теперь мне быть? Теперь же я спать перестану, пока не запишете меня в отряд. Скажите командиру, что я… что мы…

– Скажу, Николай, скажу, – обещал Огнивцев, – а теперь веди в казарму. Время к ужину. Самый резон с народом встретиться. Только о белорусских лесах ни слова.

– Все понятно, товарищ комиссар. Это можно и без предупреждения.

В казарме стоял полумрак – экономили электричество. Пахло крепким мужским духом. Возвратившиеся с занятий бойцы мылись, чистились, готовясь к ужину. Стоял сдержанный деловой шум.

Первым в казарме вошедших встретил сержант Сандыбаев. Видимо, он догадывался, что Огнивцев с Алексеевым обязательно зайдут сюда, чтобы повидаться с «резервистами», а раньше всего с бывшими участниками совместного рейда Отряда особого назначения. В его глазах горела неподдельная радость. А когда заговорили о новом деле, Сандыбаев встал по команде «смирно» и попросил:

– Возьмите, товарищ комиссар. Не подведу. Честное комсомольское!

Ну как не взять такого смекалистого, преданного делу, надежного, геройского парня. Его зачислили в отряд первым. Дальнейшее комплектование продолжалось без особых затруднений. Первые бои сами собой выявили кто на что способен, кто чего стоит. Эти парни были перед командиром и комиссаром как на ладони. За три-четыре дня перебрали, прощупали несколько десятков кадровых сержантов и солдат, уже отмеченных вражескими пулями. Состоялось более чем приятное знакомство и с замечательными московскими комсомольцами-добровольцами, которые по призыву Центрального Комитета комсомола в первые же дни войны явились в столичные военкоматы и выразили согласие выполнять боевые задания в фашистском тылу. Многие из них успели не раз побывать за линией фронта и, как говорится, хорошо знали, почем фунт фронтового лиха. Свежие повязки свидетельствовали, что их владельцы буквально несколько дней тому назад вернулись с боевого задания, их раны еще не зарубцевались как следует, а они снова рвались в бой, горя ненавистью к наглому врагу. Вскорости в списках оперативной группы оказались московские комсомольцы-добровольцы: Болдин Владимир Иванович, Бубнов Анатолий Михайлович, Буташин Виктор Семенович, Дмитриев Дмитрий Маринович, Флягин Александр Петрович и другие.

Самым младшим по возрасту среди них был 16-летний Витя Ромахин. Он к этому времени уже успел окончить школу радистов. Поначалу Огнивцев засомневался – брать или не брать. Больно уж молод, тянется к романтике. А там – романтика совсем не романтическая – пули, болота, кровь, смерть… Не испугается ли? Не разочаруется? И только потом, много недель спустя, Огнивцев радовался, что поверил в парня. Витя оказался не только отличным радистом, но и на редкость храбрым солдатом.

Поздно ночью, подбивая «бабки», Огнивцев с удовлетворением подчеркнул красным карандашом несколько фамилий. Это были офицеры и сержанты, уже выполнявшие специальные боевые задания во вражеском тылу. В группу были отобраны Лебедев Николай Иванович, Соколов Игорь Мстиславович, Аристов Валентин Павлович, Докшин Владимир Николаевич, Базиров Кален Базирович, Виноград Григорий Иосифович, Маковец Владимир Романович, Желамский Георгий Казимирович, Дидора Алексей Ануфриевич, Кругликов Федор Петрович, Коробов Иван Федорович, Котельников Анатолий Петрович, Колюпанов Дмитрий Тимофеевич, Коротков Николай Александрович. Особенно придирчиво отбирали переводчиков. Взяли к себе Озола Юрия Карловича и Юферева Дмитрия Владимировича.

Итак, есть сорок отважных командиров и красноармейцев. Сорок человек, готовых выполнить любые боевые задания командования. Это немалая сила! Если ею хорошо воспользоваться и распорядиться, то врага не ожидает ничего хорошего… Впервые Иван Огнивцев уснул глубоко и спокойно, с чувством исполненного долга.

Он проделал большую, ни с чем не сравнимую работу, смысл которой может понять только опытный, в совершенстве знающий свое многотрудное дело разведчик. Он верил и был уверен в том, что не ошибся ни в чем и не мог ошибиться, так как знал: малейший просчет даже в мелочи там, в глубине партизанских лесов, мог обернуться непоправимым злом.

Наутро его позвал к себе Спрогис. Долго смотрел в перепоясанное белыми бумажными полосками окно. Сказал мягко:

– Хороших людей мы подобрали, комиссар. Шестнадцать офицеров, остальные – сержанты и бойцы. За малым исключением, народ опытный, бывалый. С таким не страшно в самое логово зверя лететь. А? Как думаешь? Справимся?

– Справимся, командир. Не имеем права не справиться. Не теряя времени, в отряде надо создать партийную и комсомольскую организации, командир, как и полагается в воинском подразделении нашей армии.

– Ну, это уж по твоей части. А я и начштаба займемся программой подготовки к полету и высадке в тылу врага.

– Уж не думаешь ли, Артур Карлович, растянуть подготовку на несколько месяцев? Не жирновато будет по законам военного времени?

– Нет, конечно, на многое не надеюсь, но полагаю, несколько недель дадут.

– Вряд ли. Обстановка на фронте крайне сложная. Оккупанты прут к Волге, на Сталинград. Ой как нужен везде нам глаз за противником.

Спрогис тяжело опустился на лавку, снял фуражку, положил ее на стол, до хруста в пальцах сжал кулаки. В глазах его отразилась затаенная боль.

– Да-а… Трудно опять, броней берет, гад, самолетами. Висят в небе… Ты прав, комиссар. Глаз нужен. Но острый. Безошибочный. Составляю расписание занятий. Включаю самое необходимое – стрельба, подрывное дело, приземление с парашютом, сбор, сигналы. Это лишь то, что непосредственно связано с десантированием нашей группы. Знаешь, сколько всего набирается? Пальцев на руках и ногах не хватает.

– О главном надо не забыть, командир.

– Что имеешь в виду?

– О единении, родстве сердец…

– Не понимаю.

– Ну, скажем, привели в дом невесту. В семье пятеро-шестеро. Вроде не много. Так… А невеста все дичится, к матери норовит… Сколько обживается, привыкает к семье? Бывает, и год, и два. А у нас времени с гулькин нос. Да и семейка дай тебе боже. Клоню к тому, что сколачивать отряд в единую семью, в один кулак надо каждую минуту, каждый час, на каждом занятии, при каждой встрече и беседе с бойцами и командирами. Думаю, что тут большую пользу принесут рассказы о себе, об участии в боях, показ своего мастерства…

– Что ж… Добрая мысль. Принимается. Только самому о себе как-то неловко… Может, что-нибудь придумают коммунисты и комсомольцы? Скажем, встречу организуют, вопросы зададут.

Подготовка людей шла с первого же дня формирования группы, но, к сожалению, продолжалась она, как и предполагали командир с комиссаром, не долго. Всего… одну неделю. Вскоре Спрогиса и Огнивцева срочно вызвали к начальнику штаба фронта.

– Знаем, что времени на подготовку было отпущено мало, что не все доведено до нормы, – сказал хмуро генерал Соколовский. – Но большего дать не можем. Обстановка заставляет торопиться. Да и осень надвигается. Пойдут дожди, сядут туманы, и десантироваться, обживаться в лесах вам будет куда как труднее. Так что, не взыщите. Слушайте боевую задачу.

Соколовский раскрыл на столе красную папку и, вынув оттуда отпечатанный на машинке приказ, положил его перед собой. Не садясь, заговорил:

– Оперативной группе высадиться в квадрате «Н» и вести активную разведку в районах Минск, Бобруйск, Борисов, Могилев. Систематически докладывать штабу фронта о составе и нумерации частей противника, о местах расположения штабов, различных складов, аэродромов, а также о перебросках боевой техники и войск, военного снаряжения по железным и шоссейным дорогам.

Второе. Диверсионными действиями на коммуникациях врага, дерзкими нападениями на штабы и комендатуры уничтожать его живую силу и технику, нарушая подвоз боеприпасов,

горючего, продовольствия и резервов к линии фронта. Захватывать штабные документы, солдат и офицеров вермахта с целью получения разведывательных данных.

Третье. Осуществлять постоянное оперативное руководство и координировать действия ранее выброшенных разведывательных десантных групп и отрядов.

Четвертое. Информировать военный совет фронта о мероприятиях, проводимых немецким командованием на временно оккупированной территории…

Соколовский сурово чеканил строки боевого приказа, как бы видя перед собой летящие под откос воинские эшелоны, горящие склады, поднятые на воздух штабы противника. Закончив, он чуть задумался, как бы взвешивая, все ли учтено. Затем положил приказ в папку, захлопнул ее и резко отрубил:

– Все. Задача ясна?

– Так точно!

– Тогда прошу к карте, – генерал первым подошел к ней. – Высадиться вот сюда. В леса, километрах в пятнадцати – двадцати юго-восточнее Борисова, в районе деревни Гумны. Кто из вас двоих полетит первым рейсом – определите сами. Если все пройдет благополучно, примите другие рейсы с десантом и грузом. Все остальное – в зависимости от обстановки. Народ вы бывалый, смекалистый, как говорится, тертый… сами разберетесь, что и как. Об одном хочу предупредить особенно серьезно. Наши ранее выброшенные группы всерьез всполошили гарнизоны фашистов. По докладам командиров групп, на ликвидацию разведчиков и диверсантов брошены крупные силы врага. Будьте сами трижды бдительны и передайте об этом всем нашим товарищам. Вопросы?

– Ясно, товарищ генерал! Разрешите узнать, когда вылет?

– Завтра ночью. Ждите команду. Людям дайте хорошенько отдохнуть.

– Есть!

– Оружие, боеприпасы, взрывчатку, продовольствие на первое время, медикаменты, как мне доложили, вы уже получили.

– Так точно. Все готово.

– Тогда, как говорится, ни пуха ни пера. В добрый путь! Помните, товарищи, ваша работа нам чрезвычайно нужна.

До свидания, родная Москва!

Расставание всегда грустно, всегда тревожит грудь. И особенно когда ты вжился в обстановку, полюбил ее, когда в твоем сознании все так живо, свежо, памятно. Кажется, что ты прощаешься с самым дорогим, близким, без чего станешь беднее, сиротливее…

Много ли довелось пожить в Москве? Считанные месяцы. А уже так привязался к ней, так полюбил ее, что глаза невольно заволакиваются тоскою. Доведется ли вернуться сюда – в столицу? Куда уведут военные дороги?

А с улицы, как нарочно, будто чтобы еще сильнее разбередить душу, доносится песня уходящих по Ленинградскому шоссе маршевиков:

За столицу свою
Мы не дрогнем в бою.
Нам родная Москва дорога!
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!

Десантники идут по бетонке Центрального аэродрома слитным строем, но без песни. Группа улетает незаметно, не привлекая излишнего внимания к себе. Гудит под сапогами бетон. В начале взлетной полосы горбятся, пластают крылья неказистые на вид, но надежные двухмоторные «Ли-2». Дверцы камуфлированных машин распахнуты. К ним поданы трапы. Туда идут десантники. Их немного. Всего 20 человек, группа, которой предстоит первой совершить прыжок в ночь, в неизвестность. Там – в белорусских лесах, у небольшой деревушки, никто их не ждет, не встретит. Разве что вражеская засада, эсэсовский пулемет. Впрочем, к чему такая трусливая мысль? По данным партизан, район предполагаемой высадки не занят врагом. За первой группой пойдут и остальные. С первой летит комиссар, со второй – командир, далее грузы, взрывчатка.

Спрогис и Огнивцев прибыли на аэродром первыми и теперь беседовали у самолета с летчиками. «Летуны» – ребята бывалые, уже не раз пересекавшие линию фронта – к разведчикам и партизанам. В голосе каждого из них звучит уверенность в удачном исходе полета.

– Пойдем на Калинин, Селижарово, Торопец, Бешенковичи, – спокойно говорит командир экипажа, водя карандашом по плексигласу планшетки, хотя на аэродроме наступили уже сумерки и непосвященному трудно что-либо разобрать на карте. – Ну, а там бросок на юг – на озеро Лукомльское, по лесным массивам – и прямо к вам.

«К вам» звучит без иронии, как будто десантники и в самом деле уже давно находятся там, но загуляли в Москве и теперь торопятся вернуться к себе домой. В сущности, оно почти так и есть. Сердца их там, в лесах Белоруссии, уже с тех пор, как они получили приказ готовиться к десанту. Сколько раз за минувшие дни Огнивцеву мысленно пришлось побывать под Минском, Борисовом и Могилевом. Топографическая карта десятки раз развертывалась на столе, на траве, на коленях, и по ней совершались пешие и конные рейды по лесным тропам и тихим проселочным дорогам. Спрогис не высказывал открыто, что влечет его в стан врага. Он был скуповат на слово. Зато Огнивцев говорил прямо: «Манит меня удача первого похода. Здорово тогда получилось! Руки чешутся сделать что-то еще более весомое и побольше насолить гадам, схватить их за горло. Теперь сам вижу, что это вполне возможно. И не могу усидеть!»

– Товарищи! А почему мы летим не напрямую, скажем, Вязьма, Смоленск, Могилев? – спросил начальник штаба Алексеев.

Первый пилот засмеялся. Ответил грубовато, независимо:

– Прямо ворона летала да в кусты попадала. Кто же полезет на море зенитного огня? Кроме того, на этом направлении фашисты располагают ночными истребителями. От нашего самолета, если мы сунемся по этому направлению, одни щепки останутся. А вот через Селижарово мы пойдем спокойненько. Разве что на переднем крае популяют по нас… А южнее – леса, леса до самой Березины. Жаль, что свет нельзя в салоне включать, а так бы можно и в подкидного сыграть. Впрочем, до Калинина можем и свет дать. Мы тут намедни трех радисток перевозили, до Калинина свет дали. Смотрю, а две уже штопают носки. Умора! Вроде не к черту на рога, а на рыбалку…

Пилот дружески обнял Алексеева. Рука его легла на плечо капитана.

– У тебя-то как? Московская подружка все заштопала?

Алексеев вежливо, но твердо освободился от объятий.

– Не завел, к сожалению.

– Чего же так? Парень, вижу и впотьмах, бедовый, представительный.

– На более подходящее время отложил. Когда косого фюрера угробим.

– А-а… Понятно. Нам тоже некогда особенно разгуливаться. Воздушные извозчики. Вашего брата все катаем – туда и обратно, – добродушно сказал пилот.

Подошли бойцы. Спрогис дал команду:

– В самолеты! По одному…

В две-три минуты распахнутые темные двери «горбунков» поглотили команду. Алексеев козырнул пилотам и поспешил в свою машину.

Прямо к самолету подкатила эмка. Из нее в сопровождении двух офицеров вышел генерал Соколовский. Спрогис тут же доложил:

– Товарищ генерал! Авангардная группа десантников во главе с комиссаром к полету готова. Погрузка десантников и грузов произведена.

– Хорошо! Как самолет?

Вперед вышел первый пилот одного из самолетов, вскинул руку к шлему:

– Экипажи двух самолетов «Ли-2» к полету готовы! Заправка туда – до цели, и обратно – до Калинина.

– Хорошо. Промежуточные фронтовые, на всякий случай, знаете?

– Так точно!

– Тогда в путь, товарищи! Будьте поосторожнее. Не мешки с припасом везете, людей. Да еще каких! Наверное, сами догадываетесь.

– Все понимаем, товарищ генерал. Разрешите занять места?

Соколовский протянул руку:

– Счастливого полета!

Экипажи повернули к своим самолетам. Начштаба фронта взял под руки командира и комиссара.

– Ну, а теперь пару слов вам. Как настроение?

– Отличное! – ответил комиссар.

– Боевое, – добавил командир.

– Это, считаю, главное. Если человек идет на трудное дело с хандрой, с плохим чувством, то, по народным приметам, удачи не жди, что-то тебя подведет. И наоборот, уверенность, хороший настрой сами по себе уже несут залог удачи. Александр Васильевич Суворов еще когда говорил: «Смелость города берет».

Отойдя несколько шагов от самолетов, Соколовский остановился.

– Да и хандрить собственно нечего. Не в первый раз «в гости» к фашистам летите. К тому же, это не те времена, когда выбрасывали людей и ждали от них вестей через связных. Нынче у вас новейшие радиостанции, и всегда можно связаться, почувствовать себя рядом с нами. В случае чего, поможем. Но только чтобы каждый доклад был объективен! Говорите обо

всем без стеснений. Мы теперь стали чуток побогаче. Тыл больше нам дает. Начала поступать продукция заводов, эвакуированных в глубь страны. Исходите из реальных потребностей.

– Мы люди скромные, товарищ генерал, – сказал Огнивцев. – По пустякам беспокоить не будем. Чего не хватит – у Гитлера займем. Думаю, что по старому знакомству не откажет.

Соколовский засмеялся:

– Ну, если у вас такие связи, то излишне беспокоиться не станем. В добрый путь, товарищи! Родина ждет от вас ощутимых боевых дел.

Над беспокойной, продымленной гарью пожаров землею пласталась темная ночь. Под крылом самолетов ни огонька. Все укрыто, затемнено. Только кое-где беспокойно, тревожно шарили по небу прожекторы. Да и то на какие-то секунды. Вспыхнут, махнут вправо, влево своей длинной призрачной рукою и снова померкнут. Ночь не летная, но самолеты потому и летят. Потоки воздуха, клочья облаков то бросают их вниз, то подкидывают, как на ухабах, вверх, то трясут так, что по телу пробегает дрожь. В салоне тускло горит лампочка. При свете ее все-таки можно увидеть всех бойцов. Они сидят по бокам фюзеляжа на железных лавках. Над их головами тянется железный трос. К нему перед прыжком в черную бездну будут подцеплены фалы с карабинами для автоматического раскрытия парашютов. Это облегчит десантирование. Ведь на тренировочные прыжки не было ни времени, ни средств для детальной отработки навыков…

Привалясь спиной к парашютам, десантники спят. Сон – это крепкие нервы, это лучшая разрядка. Доведется ли еще вздремнуть вот так – плечом к плечу при свете по-комнатному мирно горящей лампочки?

Комиссар тоже на мгновение забылся под монотонный гул моторов, но когда в салон вошел второй пилот и сказал: «Прошли Калинин», дрема начисто покинула его. Самолет шел сейчас над близкими сердцу селами и лесами, где в сорок первом действовал его разведотряд. Вспомнилась поляна, где они сидели с генералом Доватором, погибшим впоследствии под Москвой, его крылатые слова: «Жизнь короткая, а слава долгая». Как наяву увиделись старики и старушки, угощавшие последней краюхой хлеба, топившие бани и стиравшие заскорузлые рубахи и портянки солдат; девчата с Волги, встретившие в метельную ночь обессилевший отряд и не побоявшиеся проводить его через передний край. «Эти русские женщины и такое умели…» Запершило в горле, заволокло глаза, когда вспомнились те, кто навсегда остался в калининских, смоленских лесах. Заросли, поди, могилки травой, осели и некому их привести в порядок. Чепуха! Да многие же те села и леса освобождены еще зимой! И наверняка люди пришли к ним… Ведь почти о всех захоронениях сообщалось местным жителям, а там, где это не удавалось, оставляли надписи, не смываемые дождем и не выдуваемые ветрами.

Смахнув пелену с глаз, Огнивцев посмотрел в иллюминатор. На горизонте разливался огнем пожаров, вспышек ракет и залпов артиллерийских батарей передний край. Тревожен, кровав он с высоты птичьего полета, но еще тягостнее там – на земле. От него не уйти, не увернуться в сторону. Там выручат только бревна, бетон и земля. И еще ум, находчивость, одоление невозможного и святая вера в неминуемую победу. На миг представилась землянка с накатом бревен и горстка бойцов на земляном полу. Кто-то из них, чутких на ухо, прислушивается к гулу над землей, тихо говорит: «Кажись, самолет летит. И вроде бы наш. По гулу чую. Ихний с надрывом, как зверь. А наш по мирному летит. Не заблудился ли пассажирский какой? Так и есть наш, чуете, как всполошился фриц? Палит из всех стволов. Мимо бы… Невпопад. А ну, милок, давай уходи. Уходи поскорей, родной!»

Из пилотской кабины вышел увалистый штурман. Кожанка распахнута, на лбу капли пота, в глазах искры радости:

– Прошли, ребята… Пронесло, – говорит он, утирая лоб рукавом. – Теперь уж долетим, если…

Этим «если» сказано многое: ночной охотник «мессер», снаряд кочующей зенитной батареи, очередь крупнокалиберного пулемета… Да мало ли что может произойти с беззащитным грузовичком-самолетом на территории, занятой врагом. Но к счастью, все обошлось. Благополучно прошли район Бешенковичи. И вот команда:

– Приготовиться! Подходим к назначенному району.

Инструктор-парашютист лейтенант Борис Петров распахнул дверь. В салон ударило холодным сырым воздухом. Огнивцев шагнул к двери первым. Взглянул вниз и отшатнулся:

– Мы над озером. Там вода…

На плечо комиссара легла рука Петрова:

– Это туман над лесом, товарищ комиссар. Счастливого приземления!

На белорусской земле

Земля белорусская… Леса. Леса. Леса…

В тридцатых, сороковых годах в глухих лесных деревушках много было россказней о разных леших и привидениях, заполонивших округу. То одни их будто видели и чуть ли даже не ручкались с ними, то другие. Кто-то им верил, а кто-то нет. В числе маловерующих долго держалась и степенная, не очень уж и богомольная бабка Пелагея из деревни Гумны. Но нет чуда без чудес – пришлось и ей с глазу на глаз встретиться с вполне нормальным привидением. А случилось недоброе свидание вот как.

В начале августа после долгих проволочек сдался на милость селян навестивший Гумны начальник Оздятичской полиции. Выкушав несколько бутылок первача-самогона, он милостиво разрешил им накосить в редком березняке сена для буренок. Траву дед Ульян, по прозвищу Улей, скосил сам, а вот убрать не смог, заболел от переусердства – спешил, а вдруг полицай протрезвится… Помощи ждать, разумеется, было не от кого, и дальнейшие заботы по сенокосу легли на бабку. Она сено высушила, сгребла, скопнила и теперь охапку по охапке носила в полуразвалившуюся сараюху, поставленную еще в годы единоличного существования. «Все будет целее, – рассудила она. – Не каждая лесная животина клок ущипнет».

В ночь под успение бабушка Пелагея спозднилась с уборкой сена и, чтоб не тащиться впотьмах, заночевала в сарае. Усталость укачала ее скоро, но настороженность к шуму ночного леса разбудила еще скорее. Где-то вблизи, вызывая жуть, кричала сова. Ветер, начавшийся с вечера, усилился и теперь разгульно шумел в березняке. Две половины ворот распахнулись, и в проеме смутно вырисовывались молодые гибкие березы. Их бросало из стороны в сторону, будто они испуганно шарахались от кого-то прочь.

– Разбудила-таки, окаянная, – проворчала бабка на сову, которая, угомонясь на минуту, загугукала снова. – Попробуй теперь усни при таком ветрище. И который сейчас час? Може, скоро рассвет?

Мимо ворот зримо проплыл клок густого, пахнущего болотом тумана, чуть посветлело, и бабка, враз обомлев от страха, вдруг увидела в стороне от сарая согнувшуюся дугой молодую березку, а на ней… О, мать-заступница!.. На ней на белесых веревках раскачивалось привидение, принявшее образ живого человека. «Свят, свят, свят…»

Как добежала до деревни, до родного дома, Пелагея не помнит. Влетела в избу, плюхнулась на лавку и, переведя дух, заговорила:

– Ой, лишеньки! Ой, мамонька! Ой, что я видала в лесу?!.

С печки свесил босые ноги дед. Откашлявшись, поинтересовался для уточнения:

– Ну, что ты видала? С чего дрожишь, как осиновый лист?

– Привидение, дед. Привидение, там где сенокос.

– Глупости говоришь. Чего ему там быть, привидению-то? Кого пугать? Ты, часок, не того?.. Мож, уморилась?..

Бабка всплеснула руками:

– Да какие ж глупости, коли я видела его своими очами…

– И кого ж ты видела? – продолжал посмеиваться дед.

– Человека, дед. Человека, как есть, на березке качался на мутузках.

Тут уж дед не удержался, на лавку слез. Дверь потуже притворил.

– Рассказывай все по порядку, не тарахти.

Пелагея пересказала обо всем, что послышалось и виделось в березняке. Дед поскреб лохматую бороду, положил граблистые пальцы на старухино плечо:

– Ты вот что, старая. Об сем привидении никому ни словца.

– Не понимаю тебя…

– Стихни, говорю! – вспылил дед. – Возьми рот на замок, коль не хочешь добрым людям беды.

– Каким людям? Об чем ты?

– Ах, какая ты недогадливая. Чует сердце, то был кто-то наш. Нечего привидениям на парашютах скитаться.

– А можа, немец? Ворог какой?.. – вдруг встрепенулась догадливая старуха.

– Ворогу нечего на березки сигать. Он на машине прикатит по большаку. Помнишь, как было уже? Примчались, постреляли курей, гусей, поросят и укатили. А ето определенно кто-то из наших.

Бабка перекрестилась и, кажется, в жизни первый раз.

– Господи. А я чуть не забежала было к куме… Хотела ей рассказать. Вот пошла бы кутерьма.

– Никаких кумушек и кумовьев, – круто отрезал дед. – У иных слишком длинны языки. Дойдет слух до полицаев – карателей нашлют, спалят не токмо твой сарай, а под застреху избы пустят петуха. Да и нам с тобой несдобровать.

Пелагея понимающе кивнула, подперла подбородок рукой:

– А все ж кто это на березке висел?

– Цыц! Не твово ума дело! Ничего и никого ты не видала. Приснилось.

А на березку угодил приземлившийся в тумане капитан Алексеев. Со старого дерева помогли бы сучья слезть. Но молоденькая была больно уж гибка. Купол парашюта накрыл ее макушку, она мгновенно согнулась, и Алексеев закачался на стропах. Попробовал сорваться – не помогло. Пришлось ножом обрезать стропы. Земля была рядом – метрах в двух. Поскольку бросать парашют на виду категорически запрещалось, чтобы не оставлять никаких следов от выброски десанта, полотнище пришлось стащить с березы и упрятать в яме, забросав его листвой и землей.

Рядом прокричала сова. Капитан прислушался. Вроде бы «своя», но торопиться не стал. В лесу могла жить и настоящая птица. На голос «совы» невдалеке отозвался «дрозд», прострекотала «сорока»… Порядок! Перекликаются, значит, группа приземлилась компактно.

Первым, кого встретил начальник штаба, был радист Виктор Ромахин. Парень несказанно обрадовался. Капитан тоже. Ведь рация – это голос Москвы, это связь со штабом фронта, отрядами и группами.

– Как рация? – спросил Алексеев. – Не разбилась?

– Полный порядок, товарищ капитан. Я скорее сам бы разбился, чем разбить ее.

– Ну, молодчина. Давай собирать ребят и искать комиссара. До рассвета совсем мало времени. Тут, как будто, кроме нас никого.

По «птичьему коду» вскоре нашли комиссара, Буташина, Дмитриева. Маленький конфуз получился с переводчиком Юферевым. Десантники нашли его в кустах, кричащим по-коростелиному.

Ребята от души рассмеялись:

– Дмитрий! Да коростели-то в августе уже не кричат. И в кустах не гнездятся.

– А что делать, если вы не отвечаете? Я за всех птиц прокричал. Тут волком взвоешь…

К утру собралась почти вся группа, выброшенная с двух «Ли-2». Троих все-таки далеко отнес ветер. Не хватало также двух мешков с грузом. На поиск ушли двое. Остальные занялись круговой разведкой и подготовкой временной базы. В Москву улетела, благодаря мастерству Вити Ромахина, первая радиограмма: «Приземлились благополучно. Ведем разведку и изучаем район. Обживаемся».

Кольцо разведки за сутки расширилось до пяти-десяти километров. Стало известно, что десант «заякорился» в лесах между деревнями Узнаж и Гумны в 35–40 километрах севернее местечка Березино. Гарнизоны фашистов не так уж далеко – каких-нибудь 10–15 километров

отсюда. К тому же немцы вместе с полицаями частенько навещают близлежащие деревни. Словом, ухо надо держать востро, а порох – сухим.

Вскоре отыскались запропавшая троица и мешки с грузом.

Два последующих рейса они принимали, можно сказать, с полным комфортом. Отыскали хорошую, большую поляну, зажгли костры, выставили боевое охранение. Десантники прямо с неба попадали в объятия друзей… Командир и комиссар обнялись тоже, пошли плечом к плечу к костру. Теперь они чувствовали себя Аяксами, связанными воедино пуповиной, и в этой связи – свою силу.

– С чего будем начинать, комиссар?

– Известно, по всем канонам военного дела – с изучения обстановки в районе, уточнения сил и средств противника, определения основного и запасного пунктов нахождения штаба оперативной группы. Чего еще не сказал?..

– Что думаешь о связи с местным населением, партизанскими отрядами?

– Без такой связи нам не прожить. Но и появляться в деревнях в нашей форме пока не следует. И вообще меньше надо бывать нашим людям в деревнях, особенно тем, которым предстоит организовать разведку. По-моему, поскорее следовало бы нащупать партизан и через них хорошенько все узнать. Нащупывать, конечно, сверхаккуратно – оккупанты могли понасажать своих агентов везде, куда только способны дотянуться своей лапой.

– Когда займемся подчиненными нам разведывательными отрядами и группами?

– Надо как-то дать знать командирам, что мы здесь. И вообще пусть активные действия пока приостановят. Не надолго – всего на пять-шесть дней, за это время явятся к нам. Надо же довести до них задачу, поставленную штабом фронта. Так я думаю.

– Правильно думаешь, комиссар. К тому же и нам надо выслушать их предложения по координации общих усилий. Вместе все обмозгуем, а там уж доложим свои соображения Центру.

– Еще одно существенное дополнение…

– Какое?

– Мы прибыли на территорию Советской Белоруссии. Здесь действует подпольный обком партии. Мы обязаны доложить о себе, установить деловые контакты с обкомом, подпольными партийными комитетами. Ты знаешь, как нам станет легче работать! Да и избавимся, кроме прочего, от непредвиденных случайностей.

– Дополнение принимается единогласно. Что еще?

– Что же еще? – пожал плечами в раздумье Огнивцев. – Работа только начинается. Забот – невпроворот. Идем к людям. Там ждет нас первый кулеш и первый разговор.

Уже подходя к костру, Спрогис спросил:

– Как думаешь, противник знает о нашей выброске или нет? Все-таки четыре самолета прошло…

– О! Об этом не торбуйся, как у нас говорят, – засмеялся Огнивцев. – Если знают, то оккупанты в ближайшие дни сами дадут нам об этом знать. На этот счет они аккуратисты.

Хозяева мнимые и истинные

В ту сентябрьскую ночь в старинном особняке Минска долго не гас свет. Гауляйтер Белоруссии Кубе диктовал стенографистке донесение Гитлеру в Берлин:

«Мой фюрер!

С великой радостью доношу, что наш новый порядок, преподнесенный Вами народам Европы, по плану «Остланд» устанавливается и на оккупированных землях Белоруссии планомерно и весьма успешно. Во всех городах и крупных населенных пунктах созданы наши военные комендатуры, гебитскомиссариаты, полицейские участки и другая германская администрация, способная быстро и эффективно расправиться с актами саботажа и неподчинения. Всякое неповиновение и нападение не войска и администрацию жестоко караются. Жилища, убежища сжигаются, а преступники уничтожаются. Против лесных банд применяются танки, самолеты и карательные подразделения полиции и жандармерии. Евреи, коммунисты и комиссары истребляются поголовно.

Под особую охрану взяты основные коммуникации Минск – Смоленск, Минск – Могилев, Минск – Бобруйск и другие. В крупных городах размещены мобильные силы, обеспеченные транспортом для быстрой переброски карательных войск. На наиболее опасных местах создана надежная сеть агентуры. Поступающие сведения обобщаются, но не хватает раций. Проводная же телефонная связь, к сожалению, постоянно нарушается лесными бандами, отбившимися от регулярных войск солдатами и, так называемыми, партизанами.

Мой фюрер! Мне особое удовольствие доставляют операции наших сельхозкомендатур и их уполномоченных по заготовке продуктов и теплой одежды. В Германию угнаны тысячи голов скота, отправлено более ста эшелонов с зерном, салом, льноволокном, картофелем, шубами, валенками, шерстью. К большому огорчению, несколько эшелонов по пути подорвано саботажниками. Но это нисколько не остановило нашего темпа заготовок и стремления выполнить Ваши директивы по обеспечению армии и самой Германии продовольствием и другими материалами и вещами. Понимая наши затруднения на фронте, охрану железных дорог в дальнейшем мы намерены организовать подразделениями армии Власова, для чего в районах Борисова, Орши, Бобруйска в ближайшее время будут размещены три усиленных батальона по 250–300 солдат в каждом. Пополняться они будут лицами, лояльно относящимися к Германии, из местных жителей и военнопленных. О завершении этой операции Вам будет доложено…»

На этом запись оборвалась. На круглом столике зазвенел телефон. Начальник тылового района генерал Бенске докладывал, что служба противовоздушной обороны засекла пролет с севера на юг через железную дорогу Минск – Орша и шоссе Минск – Москва четырех транспортных самолетов. По докладу службы перелетов действий своей авиации и зенитных средств в местах перелета не было. А значит…

– А это значит, доннерветтер, что во вверенном вам районе нет никакого порядка, генерал, – резко выговорил Кубе. – Русские самолеты забрасывают своих парашютистов куда хотят и как хотят. Нет? Почему бездействовали зенитные средства и ночные истребители, находящиеся на аэродроме в Орше? Я вас накажу за это! И вообще вы и вам подчиненные комендатуры, воинские гарнизоны, бургомистры и полицейские работаете омерзительно. Нет? Вы до сих пор не только не уничтожили партизан, но и не справляетесь с небольшими группами десантников, не можете их разогнать. Особенно плохо в районе Борисова и Крупки. Нет? Бургомистр города господин Станкевич, черт бы его побрал, и его сонная полиция бездействуют – пьянствуют и боятся высунуть нос из города. Гибнут бургомистры, полицаи, старосты, сотрудники сельхоз-

комендатур, наши солдаты… Хуже того, вас бьют нахальные русские девки. Нет? Я спрашиваю у вас, герр генерал, почему так до сих пор и не уничтожена выброшенная на парашютах в район Борисова десантная группа русских девушек? Где она? Где обещанная вами голова ее начальницы? Мы обещали за нее большую награду! Вам что? Этого мало? Прибавьте еще, обещайте что угодно, даже дьявола в кресле, но смойте свой позор, генерал, иначе я сниму вас с постов и отправлю на фронт. Все! Хайль Гитлер!

Кубе бросил трубку и задумался… Десант. Смешно и глупо. Что может сделать горстка людей против гигантской машины фюрера, брошенной на Россию? Неужели они не понимают, что Россия разбита и эти лесные бродяги, так называемые партизаны и десантные группы, не помеха новому порядку. В Белоруссии только один хозяин – он, гауляйтер Кубе, черт побери!

Так докладывал возлюбленному фюреру, думал и действовал, если верить свидетельству захваченных впоследствии советскими разведчиками документов и пленных, возомнивший себя царем и богом порабощенной Белоруссии гауляйтер Кубе. Но совсем по-иному думали и действовали сами непокоренные белорусы.

Пламя разгоравшейся борьбы с фашистами ярче всего свидетельствовало, что подлинными хозяевами на белорусской земле были отнюдь не фашистские оккупанты, а советские люди, которые с первых часов вторжения фашистских орд героически защищали каждую пядь родной земли. Тысячи из них полегли на пограничных рубежах, берегах Буга, Немана, Березины, Сожи, Западной Двины, защищая белорусские села и города, станции и полустанки, хлебные нивы и голубые поля льна. Но даже и тогда, когда защитников оставалось совсем немного, считанные штыки, то и тогда они стояли насмерть. Почти все взрослое население ушло в леса. Люди в отчаянных схватках с врагом добывали себе оружие, боеприпасы, били супостата нещадно, до полного истребления. Они верили и знали, что великая Советская Родина помнит о своих защитниках и придет на помощь.

И Родина делала все, что могла, чтобы помочь своим верным сыновьям, воодушевить их и повести к победе. Партия прозорливо и твердо руководила все разрастающимся партизанским движением, всей вооруженной борьбой с оккупантами. Люди чувствовали твердую руку партии, и это вдохновляло их.

30 июня и 1 июля Центральный Комитет Компартии Белоруссии принял директивы, в которых предписывалось заблаговременно создавать на местах подпольные партийные организации и формировать партизанские отряды. Улучшилась организаторская работа партийных комитетов, их связи с населением. Призыв партии к народу выступить с оружием в руках против немецких захватчиков незамедлительно и весьма положительно сказался на размахе партизанского движения.

Уже к 1 августа 1941 года в Белоруссии сражались свыше 12 тысяч партизан, а к осени сорок второго вся Белоруссия пылала огнем партизанской войны против гитлеровских захватчиков. Особенно активно действовали партизаны в Минской, Витебской, Полесской и Могилевской областях. Летели под откос воинские эшелоны, пылали разгромленные комендатуры, рушились мосты. Борьба ширилась и не только в Белоруссии – в тылах оккупантов на всем советско-германском фронте. Она сковывала силы фашистов. Достаточно сказать, что для борьбы с партизанами немецко-фашистское командование вынуждено было летом и осенью сорок второго года использовать более двадцати пехотных и охранных дивизий.

Родина с первых дней войны слала подмогу героям лесных троп. В глухие урочища под Витебском, Минском, Борисовом, Могилевом, Пинском, Гомелем темными осенними и зимними ночами шли советские самолеты с радистами, минерами-подрывниками, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами. Для оказания помощи партизанским отрядам и организации разведывательной и диверсионной работы было выброшено с парашютами в Белоруссию много небольших десантных групп и отрядов. Часть таких групп пробиралась через линию фронта в тыл врага дремучими лесами и топкими болотами пешком.

Те группы и отряды, которые были выброшены весной и летом, уже осмотрелись, обжились и успели показать себя. Те, что попозже, – только начинали лесную жизнь. Но были они по-прежнему разобщенными. Усилия и планы их следовало объединить и скорректировать. Об этом сейчас и пеклись Спрогис с Огнивцевым, а также их боевые друзья.

В густом сосновом бору весело потрескивал костер. Перед усевшимися вокруг него десантниками деловито и немного взволнованно выступил Спрогис.

– Товарищи разведчики! – начал он. – Мы прибыли на землю многострадальной, героической братской Белоруссии по заданию Родины и велению партии и собственных сердец. Цель и задачи свои вы знаете. Но я хочу особо подчеркнуть лишь одно. Мы не в командировке в чужом краю, не временные здесь люди, пробравшиеся в стан врага с узкой служебной задачей. Зарубите себе: мы прибыли в собственный дом, воротились на свою родную землю, чтобы навести здесь порядок, а для этого сперва избавить ее от врага. И пусть трепещет от нашего появления враг! Пусть под ним горит земля! И не будет ему нигде спасения! Это, товарищи, первое.

Второе. Мы находимся в лесах, на левом берегу Березины. Река эта тихая, мирная. Но в грозный час – бурливая и гневная. Не раз и не два топила она в своих водах иноземных захватчиков. Сейчас на ней хозяева – партизаны Белоруссии, белорусский народ. Нам предстоит плечом к плечу с ним биться против ненавистного врага. Но у нас свои специфические задачи…

Спрогис обстоятельно перечислил их, показал место каждого офицера, сержанта и солдата в строю, рассказал, кому что, когда и как делать. Его уверенность и спокойствие передавались людям. Они чувствовали себя сплоченным коллективом, боеспособным подразделением.

Потом Спрогис предоставил слово Огнивцеву, который только что возвратился с группой товарищей из разведки.

– В Гумны я ходил с тремя десантниками: Дмитриевым, Сандыбаевым и радистом Аристовым в сопровождении партизанских разведчиков, – начал комиссар. – С собой мы захватили московские газеты и радиостанцию. Как и должно, шли осторожно, опасаясь, как бы не напороться на фашистскую или полицейскую засаду. Но наше опасение оказалось напрасным. Гумны – село ничейное: нет там ни полицейских, ни партизан. Население настроено по-партизански, патриотично. Мне трудно передать ту атмосферу торжества и радости, с которой нас, одетых в полную форму бойцов Красной Армии, там встретили. Когда мы появились, на улицу высыпал и стар и млад. Люди трогали нас за рукава, ощупывали одежду. «Свои! Родимые! Красные воины! Счастье наше…» По рукам пошли газеты… А когда включили радио и раздалось: «Говорит Москва» – поднялось ликование. Люди обнимали друг друга, от радости плакали… Ведь до этого немецким оккупантам и их прихвостням удалось в какой-то степени внушить иным жителям, что Москва занята немецкими войсками и Красная Армия разбита.

Огнивцев чуть помолчал и тут же отметил про себя общее нетерпение – услышать поскорее продолжение.

– Из толпы ко мне протиснулась старушка, а следом за ней хромоногий старичок, – сказал он далее. – «Сынок, – обратилась она, – прости меня. Надысь, коли на березе кто-то из вас повис, подумалось мне, что это привидение. Плохим словом я обозвала вашего малого. Прости…» Обнял я старушку, к плечу прижал. «Прощаю, бабушка, – говорю. – Потому что как раз на той березе висел на парашюте Коля Алексеев, командир Красной Армии». Тут вперед вышел дед, под ручку бабку взял: «Ну, что ж, старая, коль узнала про свое «привидение», то зови-ка в гости их, молоком угости, сметаною. А може, и еще кое-что достанешь из спрятка. Раскошеливайся».

– Ну и как же? Раскошелилась? – спросил с улыбкой помощник командира по хозяйственной части лейтенант Паучок.

– Пир горой не состоялся. Ну, уж молока и разных блюд из картошки ели вдоволь, – подмигнул комиссар. – И между прочим, рекомендую, лейтенант, бабку Пелагею на заметку взять.

Наказывала, коль ранен кто будет или занеможет, за молоком и хлебом, разными лечебными травами гонца присылать.

Ужин в новом ведре, тронутом первым дымом костра, закипел. Комиссар сосновой палкой сдвинул его на край перекладины и продолжил свой бесхитростный, но такой нужный всем рассказ:

– К чему я все это клоню? А к тому, чтоб подтвердить слова командира. Мы действительно у себя дома, среди своих, советских людей. Партизаны и местное население – это наша опора. Народ ничего не жалеет для нас и просит, я бы сказал, слезно молит: «Как можно быстрее изгоните врага, верните нам мирную жизнь! Спасите свое будущее – наших детей!» Народ ненавидит оккупантов. Чувство, которое испытывает к нам население от мала до велика, – это любовь и надежда.

Комиссар замолчал. Потом встал и принял стойку «смирно», оправив на себе обмундирование.

– Поклянемся же, товарищи, – вдруг зазвеневшим голосом воскликнул он, – поклянемся беспощадно истреблять фашистов! Не сложим оружия до полной победы над заклятым врагом!

– Клянемся! – ответили все, тут же поднявшись во весь рост.

– Пусть людская мольба звучит в наших ушах.

– Так будет, товарищ комиссар!

После этого разговора у костра, окончившегося клятвой, командир и комиссар отделились от общей массы и пошли к натянутой из трех солдатских плащ-палаток палатке.

– Как скоро, Артур Карлович, мы сможем собрать совещание командиров десантных и разведывательных групп? – спросил по пути Огнивцев.

– Затягивать по времени не будем. Как только установим радиосвязь с ними, тут же и пригласим.

– Добро. Однако нам следует поторопить начальника связи лейтенанта Короткова. Что-то долго копается, а мы так и не связаны еще с нашими людьми. А нам надо побыстрее и получше подумать о координации усилий отрядов и групп по разведке и диверсионной работе. К моменту встречи с ними нам совершенно необходимо иметь конкретные предложения по выполнению приказа генерала Соколовского.

– Ну и беспокойный же ты, комиссар, – Спрогис обнял Огнивцева. – Представь себе, что и меня одолели твои заботы. С Коротковым я уже говорил. Есть первые ласточки. Я потом тебе расскажу подробнее. Есть кое-какие думки и предложения – давай соединим с твоими… Но это завтра. Утро вечера мудренее – гласит народная поговорка, – сказал Спрогис. – Что-то я сегодня чертовски устал. Давай вздремнем пару часов.

Встреча с командирами десантных отрядов и групп

Усилия начальника связи оперативной группы лейтенанта Николая Александровича Короткова увенчались полным успехом. Наконец удалось установить радиосвязь с командирами отрядов и групп. Совещание созывалось в лесах левобережья Березины в районе деревни Гумны. На него были приглашены командиры групп Леля Колесова, а также Бухов Алексей Андреевич, командиры десантных отрядов Сорока Григорий Яковлевич, Вацлавский Борис Николаевич и некоторые другие. Все они уже не раз выполняли боевые задания командования в тылу фашистской армии, и их боевые дела отмечались орденами и медалями.

За несколько дней до общего сбора Спрогис решил посоветоваться с начальником штаба, помощником командира группы по хозяйственной части лейтенантом Паучок и другими.

– Ну что, товарищи, к нам едут гости. Давайте раскошеливайтесь, – пошутил он.

– Сколько их, товарищ командир?

– Да этак человек десять – двенадцать.

Лейтенант Паучок озадаченно поскреб под околышем фуражки. Лицо его погрустнело. Спрогис спросил:

– Что озадачился? С чего тревога?

– Сами знаете, запасы у нас небольшие, склада вблизи нет. А у населения чего приобрести – и думать не смей. Фашисты всех обобрали и все пожрали. Небось, читали на стенах крестьянских изб ихние приказы: «Выявленные в прифронтовой полосе и в тыловых областях продукты питания, имущество бытового и личного потребления, одежда поступают в распоряжение военно-хозяйственных отделов, за невыполнение приказа – расстрел». Вот и поди угости…

– Что ж… Все это так. Да только кормить людей надо. Думать тоже надо, как это сделать.

Спрогис понимал, что решить эту простую задачу здесь, в тылу врага, далеко не просто. За год оккупации фашисты ограбили Белоруссию, особенно села и города вдоль железнодорожных и шоссейных магистралей, в районах размещения немецких гарнизонов. Но были и такие места, где фашисты еще не появлялись или боялись там появляться. Многое, конечно, и припрятано, невзирая на угрозу смертью. Так что народ поделится, если что. К тому же самое необходимое – такое, как соль, сахар, шоколад и кое-что другое – было захвачено из Москвы с запасом и можно было устроить неплохое чаепитие. Теплилась надежда и на то, что отряд к тому времени получит и «подкрепление», доставленное самолетами из Москвы. Видимо, командир и сказал неунывающе:

– Скупиться не будем. Гостей надо принять хорошо. Как-никак мы только что из Москвы, а они, бедолаги, здесь на лесном грибном довольствии кто два месяца, а кто уже и полгода. Запасы свои давно исчерпали. Так я говорю, комиссар?

– Да все так. Куда ж денешься от народного обычая. Если гость пришел – ставь все на стол. Но нужно не только подготовить хороший обед, мы просто обязаны поделиться с ними солью, мылом, сахаром, махоркой…

Хозяйственники все еще артачились и жались.

Итог разговора подвел Спрогис:

– Итак, решено. Гостей принимаем по-братски. Устроить место для ночлега… Подготовить в Гумнах хорошую баню, со сменой белья…

– Сколько дней будут находиться у нас гости? – спросил Паучок.

– Совещание продлится день. Но товарищам надо отдохнуть, поговорить с нами просто, по-дружески, по-товарищески, посоветоваться…

Спрогис, сидевший все время на вывернутой бурей коряге, хлопнул себя по коленям кожаных брюк и отрубил:

– Все свободны. Комиссар, садись рядом.

Огнивцев, сбросив с плеч плащ-палатку, лег на нее боком, сломал сухую былинку метлюги, сунул ее в рот, откусил. Сейчас его занимала дума не столько о том, как угостить измотанных в лесах боевых товарищей, сколько о том, кто остался в живых, каково настроение людей в отрядах, как они живут и воюют с врагом… Опытным, коварным, беспощадным. Большие гарнизоны расположены в Борисове, Орше, Могилеве, Бобруйске. В каждом районном центре гитлеровцами созданы полицейские гарнизоны. Малейший промах – и немедленно следует облава карателей. Сколько их было, этих облав! Вспомнилась Леля Колесова. Какие только муки при ведении разведки в тылу врага под Москвой она и ее подруги не вынесли! Голод, холод, ранения, уход от преследования гестапо… Казалось бы, вернувшись к своим, Леля скажет: «Всё, товарищи. На большее нет сил». Но подлечилась, окрепла – и снова во вражеский тыл. Сама рвется. Отважная девушка. Много таких чудесных московских комсомольцев героически действовало осенью сорок первого года во вражеском тылу в Подмосковье. Сколько бесценных сведений они своевременно добыли командованию!

Раздумья Огнивцева прервал Спрогис:

– Как мыслишь начать работу после, когда проведем совещание, комиссар?

– Чего ж тут мыслить? Формы и методы нашей работы вытекают из тех конкретных задач, которые перед нами поставил штаб фронта, – пожал плечами Огнивцев. – Первая и, на мой взгляд, главная задача – организация надежной постоянной разведки. Я бы сказал, активной разведки. Это означает, что мы должны вести ее не только в районах Минска, Бобруйска и Борисова. Глазами наших людей нам архиважно заглянуть дальше на запад, ну, скажем, в Западную Белоруссию и Польшу, а на востоке, по меньшей мере, в район Смоленска. Так ведь, командир? А если так, то всю работу начнем с подбора надежных людей, подготовки их как разведчиков, обучению работе на радиостанции. Да с таким расчетом, чтобы они были способны поддерживать устойчивую связь по радио не только с нами, но и с Центром. Правильно я говорю? А самое главное – их легализовать, то есть устроить на работу в различных учреждениях, предприятиях оккупационных властей в интересующих нас районах. Это, брат, такое сложное дело, что мураши по спине бегают, как подумаешь. Потребуется немало времени, выдержки и умения, конечно, но задача для нашей группы, прямо скажу, вполне реальная и выполнимая. Как мне представляется, этим делом будут заниматься наши командиры-разведчики, имеющие опыт организации такой разведки. Что же касается второй задачи, – продолжал комиссар, – диверсий – так чем больше набедокурим на коммуникациях, чем больше отправим на тот свет фашистов и их боевой техники, чем больше разгромим военных комендатур, складов и прочего, тем лучше. Это тоже по плечу нашим группам и отрядам. Сами их командиры в состоянии наладить дело. Не зря щи хлебали и кашу ели на Большой земле. Но и в первом, и втором случаях нам надо внимательно изучить противника и наметить объекты для наших действий, тут с кондачка не получится. Надо правильно расставить наши силы, организовать взаимодействие всех отрядов, согласовать их действия с местными партизанскими отрядами. Неплохо было бы побывать у них, поговорить, поучиться. Тут всякий урок впрок. Как-никак, а уж они-то знают верных нам людей в оккупированных городах и селах. К тому же эти ребятки уже имели не одну стычку с гадами и научились им морду мылить! Их опыт и нам пригодился бы. Творчество нужно, творчество, командир! По шаблону нам ни мыслить, ни действовать нельзя.

– Дело говоришь, комиссар, – обнял друга Спрогис. – Как командир сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь тебе по этой твоей линии. Ты не можешь представить себе, Ваня, как мне хочется сделать что-то такое, что сторицею отплатило бы фашистам за их злодеяния на нашей земле. Сколько зла натворили сволочи… Не давать им покоя ни днем, ни ночью! Все наши действия должны быть активными и значительными по своим масштабам. Нам нужны

громкие дела, чтобы о них заговорила Москва, вся Родина! Чтобы все люди подняли головы, и те, что здесь, присоединялись к нам!

Огнивцев всецело разделял глубокие чувства друга. Но он был опытным разведчиком и привык стократно выверять свои действия и поступки. Ведь малейший промах грозит бедой…

– Хорошо, Артур, все правильно, – мягко возразил он. – Допустим, что мы совершили «громкое дело». К примеру, ночью разгромим небольшой вражеский гарнизон и овладеем каким-нибудь небольшим городом или там крупной железнодорожной станцией. Для этого привлечем все силы наших отрядов и нашей оперативной группы. О нем, несомненно, могут заговорить и в Москве. Ну а дальше что? Что последует за этим? Как поведет себя противник? Он что, будет сидеть и аплодировать нам?! Нет, дорогой! Немецкое командование только и ждет, когда мы сгруппируемся. Оно среагирует на такой акт нападения быстро и оперативно. Немедленно против нас будут брошены крупные силы карателей и регулярных войск с танками и артиллерией. И мы будем раздавлены. Потеряем опытных наших разведчиков и командиров, растеряем всю нашу уже существующую разведывательную сеть в своем районе и не выполним главную боевую задачу, поставленную перед нами генералом Соколовским.

Спрогис не ожидал такого резкого поворота их беседы. Он помнит себя как разведчика по Испании. Вот там они давали перцу франкистам! Весь мир следил за ними затаив дыхание.

– Ой как и мне хочется одним ударом нокаутировать гадов. Но имей в виду, что против нас действует более чем опытная контрразведывательная сила. Против германских фашистов, их тактики, дорогой Артур Карлович, мы должны выставить нашу гибкость и, я бы сказал, неуловимость, внезапные засады против небольших вражеских колонн, железнодорожных составов, дерзкие продуманные нападения на их комендатуры, учреждения и штабы с основной целью – добыть ценные разведданные. Пойми меня правильно. Я не сторонник штурма крупных населенных пунктов, железнодорожных станций – они очень хорошо укреплены. В рейде по тылам врага под Велижем в сорок первом году нас в основном спасала наша подвижность. Мы не сидели на одном месте. Нанесем чувствительный удар – и исчезнем. Помню, на шоссе под Велижем мы разгромили колонну фашистских карателей. Вокруг тянулись огромные леса. Ох как не хотелось уходить оттуда… Велик был соблазн остаться на старой, хорошо укрытой и обжитой стоянке. Тем более, что она значительно удалена от ближайших гарнизонов противника. Но мы не поддались искушению и все-таки ушли. И вовремя. Как после стало известно, фашисты бросили против нас большие подвижные силы с легкими танками, артиллерией и даже авиацию. Урочище окружили, окольцевали со всех сторон да так пробомбили и прочесали, что живого места не осталось. Кинулись туда – а нас там нет… Били по пустому лесу. Вот такая тактика и нам здесь нужна, командир!

– Я учту твой боевой опыт, комиссар. Первое слово в этих делах за тобой. Но… шуму, переполоху на коммуникациях и в близлежащих гарнизонах противника мы должны наделать. Население ждет грома! Ждет, понимаешь!

– Ждет, Артур Карлович! Ох как ждет. И дождется! Честное слово. Но пусть потерпит еще. Не время пока. И все-таки это – дело партизан. Наши отряды и группы, командир, не обычные, а диверсионно-разведывательные. Поэтому они не только должны истреблять захватчиков. Еще и еще раз хочу, чтобы ты до конца понял главное: в ходе боев путем захвата штабных документов и пленных военнослужащих, особенно офицеров вермахта, мы должны и будем добывать ценные разведывательные данные о противнике… На это меня и нас с тобой вместе нацеливал генерал Соколовский.

Спрогис спрыгнул с коряги, заложил руки за спину, зашагал взад и вперед по протоптанной в траве тропке. Среднего роста, крепкого телосложения, угрюмо суровый, в наброшенной на плечи шинели. Чувствовалось, что он чем-то взволнован. Глядя на него, комиссар невольно подумал, что ему, пожалуй, придется сдерживать командира. Он горяч, упрям. По всему сего-

дняшнему поведению было видно, что ему что-то не понравилось в высказываниях комиссара, что он сам что-то уже твердо решил…

Так оно и было. Пошагав немного, Спрогис остановился и сказал:

– И все-таки «громкое дело» будем готовить, Иван Александрович. Хочется мне, поверь, с большого дела начать. Нет, нет, не пугайся. Очертя голову не полезем, но и прохлаждаться не будем. Наш долг – отсюда, из белорусских лесов, хотя бы немного сталинградцам помочь. Представляешь, гробануть тот эшелон, что к Сталинграду идет! Сколько бы спасли мы наших бойцов! И мы гробанем его. Верь, комиссар!

Комиссар сощурил всегда настороженные свои глаза, хитро улыбнувшись, ответил:

– Ну вот мы с тобой почти и договорились, на какие объекты будем нападать в первую очередь. Ты думаешь, у меня сердце не болит за сталинградцев? Да если мы не допустим туда, к ним, несколько эшелонов с живой силой и боевой техникой врага, да если к этому благороднейшему делу подключим и местное население, создадим, например, из числа работающих на железных дорогах наших людей диверсионные группы, то это и будет самое «громкое дело» из всех «громких дел». И самое «тихое», потому что никто не узнает, что натворили беды врагу именно мы. Будем снабжать взрывчаткой и минами верных людей – будут лететь под откос фашистские эшелоны. Будем учить технике и тактике нашей работы – сохраним силы. И не только сохраним, а и приумножим.

Подошел помощник по хозяйственной части, помялся, спросил:

– Какие будут указания по части выпивки, товарищ командир? Угостим наших гостей или нет? В запасе у нас кое-кто имеется…

Лицо Спрогиса вмиг побагровело. На переносице легла хмурая складка.

– Вы где находитесь? На фронте или у тещи? Никакой выпивки! Ни грамма! Спирт беречь железно. Впереди бои, зима… Голову надо на плечах иметь. Идите!

– А вот за эту отповедь спасибо, командир, – сказал Огнивцев. – За пьянку в бою не за понюх табаку отдашь голову свою. И наоборот. Трезвым быть – врага крепко бить. В нашем фронтовом разведотряде за три месяца похода не было ни одного случая не только пьянки, но и выпивки. В то же время я видел, что делает шнапс с фашистами. Бывали случаи, когда они лезли на пулеметный огонь, как мошкара на свет. За наших десантников можно поручиться: строгие, крепкой дисциплины ребята. Нам и поберечь их. Что ни говори, а даже малейшее угощение в наших условиях – уже развращение. Так?

– Еще бы, – довольный такой оценкой, улыбнулся Спрогис. – Да они же у нас почти все коммунисты и комсомольцы. – Он посмотрел на часы:

– Пойдем-ка чаю попьем. Уже вскипел, наверно.

– Да, не худо бы погреться. Пошли…

Еще на подходе к костру командир и комиссар услышали веселый шутливый говор:

– С самолета прыгать – это, други, не с милашкой кувыркаться со стога сена.

– А разве доводилось и это?

– Еще бы! Побарахтаться в валках на сеновале – это в деревне первое дело. Помню как-то…

– Может, постоим, Артур Карлович? Пускай ребята отведут душу.

– Конечно. Подойдешь – растеряются, не тот разговор будет.

Остановились. Спрогис прислонился спиной к березке, комиссар присел на пенек. А боец тем временем продолжал рассказывать:

– И вот пригласил я из соседского дома девчонку помочь сено с телеги в сарай занести. Ну, снесли и не заметили мы, как под самым князьком сарая очутились. Высоковато. Надо слезать, а лестницы нет. Снял я с пояса ремень – и в руки ей: «Спускайся, Наденька, я тебя поддержу». «Хорошо, – говорит, – Феденька. Только покрепче держи». А я, медведина, вместе

с охапкой сена вслед загремел. И прямо на шею к ней. Ухватился, глянул в лицо и вижу в глазах ее такое…

– А что? Что именно? – раздались нетерпеливые голоса.

– Известно, что в девичьих глазах. Любовь!

– Еще какая, – подтвердил кто-то. – Видел я глаза твои, когда в самолете раздался сигнал «пошел»!

Все захохотали. Рассказчик сконфуженно умолк. Но в ту же минуту заговорил второй:

– Нет, что ни говори, а сигать с парашютом трудно, особенно в темное время. Я когда провалился в тартарары, признаюсь, обмер. Душа куда-то в пятки скользнула. А жизнь, ну, как есть вся вспомнилась: и как в речке раков ловил, и как гусей пас, и как ходил на вечеринки, влюблялся, женился…

– Это сколько же ты к земле летел?

– Да разве вспоминалось порознь? Оно, брат, как-то вдруг все в один клубок свернулось и враз размоталось. Но самое потешное впереди. Не перебивай ты. Подлетаю я к земле и думаю: «Вот сейчас грохнусь – и останется от меня мокрое место». И точно. Оглянулся, гляжу, а подо мной оно – это мокрое место. Черт возьми, – думаю, – я эту мокреть образовал или она тут сама была? И вообще вроде бы многовато для моих личных возможностей. Попробовал воду на вкус и просиял: «Мать моя! Да я же попал в дождевую лужу!»

– Понятно! – воскликнул все тот же оппонент. – Мы на том историческом месте, Федя, памятную доску поставим: «Здесь сел в лужу десантник Федор-десятый».

Опять взрыв хохота. И вдруг разговор сам собой утих. Можно было идти на чай. Но тут подбежал посыльный от начальника штаба.

– Друзья, командира не видали? Да вот же он… Товарищ командир! Прибыли вызванные вами командиры: старший лейтенант Сорока, капитан Вацлавский, старший лейтенант Бухов. – И добавил: – Еще девушка! Очень красивая, при орденах.

– Ну что ж… Пойдем знакомиться, комиссар.

– Надо. Тем более с красивой девушкой.

На лесной поляне у костра собрались прибывшие на совещание командиры отрядов и групп. Капитан Алексеев доложил Спрогису, что командиры отрядов – капитаны Наумович и Алисейчик прибыть на совещание из-за боевой обстановки смогут лишь через неделю. Было решено вызвать их и поставить им задачу отдельно.

Старший лейтенант Сорока

Внешне все они были разные, совершенно не похожие один на другого. Но нечто неуловимое сближало, роднило их. Огнивцев наблюдал за ними исподволь, внутренним взором профессионального разведчика, стремясь найти характерные индивидуальные черты в каждом.

Хорошо, когда знаешь человека. Ты встречаешься с ним, как с товарищем, которому всегда рад, и веришь, что эта встреча не принесет тебе неприятности. Ну а когда не знаешь?.. Приходится осматривать человека с ног до головы, заглядывать ему в глаза, а чаще всего в его душу. На все обращаешь внимание; и на внешний вид, и на манеру поведения, и даже на маленькие, еле уловимые черты и детали.

Одним из тех, кто первым привлек внимание комиссара, был старший лейтенант Григорий Сорока. Огнивцев отметил про себя, что Артур Карлович уже знал Сороку. Позже он рассказывал, что впервые встретился с ним в тяжелом сорок первом где-то на опушке леса под Смоленском. Тогда особоуполномоченному военного совета Западного фронта майору Спрогису, занятому формированием групп разведчиков и диверсантов для работы в тылу врага, нужен был смелый и волевой командир. Ему нашли и представили такого в лице Григория Яковлевича.

«Где воевали»? – спросил Спрогис.

«Топал от самой границы из-под Бреста. В боях под городом Лида был ранен и контужен. Товарищи помогли добраться до Смоленска…»

«Специальность?»

«Сапер, подрывник. Окончил полковую школу в инженерных войсках Московского военного округа до войны».

«Прекрасно. Такие люди нам как раз и нужны».

«Разрешите узнать, товарищ майор, кому, куда?»

«Играть в бирюльки не будем. Говорю сразу. Группа в составе двадцати пяти человек засылается в тыл врага. Вас сватаем на должность заместителя командира этой группы. Согласны?»

Сорока дал согласие и с того дня стал фронтовым разведчиком. По словам Спрогиса, Сороке везло. Много раз пересекал он линию фронта, не единожды попадал в тяжелые положения, но всегда благополучно выходил из них.

Огнивцев сейчас изучающе посматривал на этого «везучего» человека, оседлавшего пенек на лесной поляне и сидевшего на нем полусогнувшись, печально скрестив на коленях руки, и не хотел верить высоким оценкам Спрогиса. Перед ним был угрюмый, с тяжелыми складками на переносице, одетый в защитного цвета фуфайку и брюки человек, в глазах которого светилось столько горя и страданий, что, казалось, на одного человека их больше, чем достаточно. Чудилось, будто в нем отразилась вся боль, все страдания Родины. Вместе с тем в его глазах полыхала лютая, неуемная ненависть к тем, кто принес на эту мирную, в зелени берез и сосен, землю огонь, смерть и разрушения.

Представляясь командиру и комиссару, Григорий Сорока говорил тихо, отрешенно, будто не особенно верил, что все, про что он рассказывает, кому-то нужно и интересно.

– Родился я в семнадцатому году в Донбассе, на руднике Тошковка в семье рабочего. По окончании семилетки закончил горнопромышленное училище и до призыва в армию работал на шахте электрослесарем. Службу начал на севере, а затем был переведен в Московский военный округ заместителем командира взвода полковой школы в инженерном полку. Ну а в мае сорок первого направили в Белорусский Особый военный округ, под Брест. Тут и принял боевое крещение…

Григорий Яковлевич, как бы сокрушаясь, будто последующее, о чем он расскажет, в чем-то винит его, почесал за ухом под высокой из черной смушки кубанкой, на которой поблескивала маленькая звездочка, продолжал, понизив голос:

– Под городом Лида задела меня вражеская пуля, одновременно тяжело контузило. Товарищ, с которым мы воевали, с риском для себя вынес меня с поля боя и посадил в эвакопоезд. Так я доехал до Смоленска. Вскоре с помощью врачей очухался и попал вот под ваше начало, товарищи командир и комиссар. Вот и вся моя военная автобиография.

– Нет, не вся, дорогой, – возразил Спрогис. – Под Смоленском сколько раз ходил в тыл противника?

– Два.

– Под Москвой?

– Пять.

– А выброска с парашютами в Дорогобужский район под Смоленском, по-твоему, не считается?

– Так то ж опять под Смоленском в сорок втором году, когда уже наши дали по мозгам фашисту под Москвой.

– Вот и расскажи, что вы там делали, на земле Дорогобужской. Не свататься же вас туда посылали, наверное, на ответственное дело?

– Да, задание выпало трудное. Нашей небольшой группе приказали взорвать в районе Орешина склад с боеприпасами. Вылетели. Приземлились. Двигались по лесным массивам днем и ночью. Очень торопились. И время поджимало, и руки чесались… До цели добрались благополучно. Сразу же стали изучать расположение складов и охрану. Дошли до мелочей. Потом сняли часовых. За это дело взялись три наших отчаянных разведчика. Ребята сработали чисто. Помогли бесшумные винтовки. Я и мой друг Михаил бросились к складам, заложили заряды, подожгли бикфордов шнур и, как говорится, деру назад. Склады охраняло крупное подразделение фашистов. Очухаются, думаем, не избежать преследования. Но все шло гладко. Взрыв был такой, что небу жарко. А мы уже далеко в лесу! Это нас немного расхолодило. Пошли медленнее. Но немцы озверели. Бросили на поиски диверсантов серьезные силы. Конечно, вскоре нас обнаружили. Завязался неравный бой. Дрались мы до последней возможности. В самый последний момент, пользуясь непогодой, группами по два-три человека стали ускользать в разных направлениях. Несколько славных наших ребят остались там навечно… Нам троим – Мите Гавришу, Борису Тульчинскому и мне – удалось оторваться от фашистов и укрыться в лесу. Пролежали, закопавшись в листву, целый день. С наступлением темноты двинулись по азимуту на восток. Шли от деревни к деревне, от леса к лесу. Шли очень долго. Измотались до чертиков. Наконец приняли отчаянно рискованный вариант – двинуться по шоссе в открытую. Раздобыли в одной деревеньке коня, телегу, сделали в ней двойное дно – положили туда оружие. Под видом военнопленных поехали…

Сорока вздохнул. Продолжал с унылой неохотой:

– Конечно, если бы мы двигались не на восток, а на запад, подозрений было бы меньше, а так… Неожиданно мы оказались в окружении конницы. Фашисты что-то кричали, почему-то хохотали, а потом подогнали крытую брезентом машину и бросили нас в кузов. В нем сидело еще несколько схваченных красноармейцев. Не стану рассказывать, как нас везли, сколько мы в пути надругательств натерпелись. Жуть! Пригнали нас к городу Слуцку. Прямо в чистом поле, там за колючей проволокой, томились сотни таких, как мы. Многие на наших глазах умирали от голода, ран, болезней. Питания почти никакого. Раз в сутки бурда из корнеплодов. Но и ту получить невозможно. У кухни возникала толчея, давка, и тогда по толпе стреляли. Выбирай любое. Либо ковш бурды, либо смерть. Обошли весь лагерь. Возможности к побегу никакой. Всюду вышки с пулеметами. У ворот сильная охрана…

– И как же вам удалось вырваться, Григорий Яковлевич? – спросила, тяжко вздохнув, Леля Колесова, сидевшая среди мужчин – командиров отрядов.

– Солдатская находчивость. Русская смекалка… – ответил Сорока. – А дело было вот так. С большим трудом увели у повара для своей задумки буханку хлеба, достали банку мазута…

– А мазут-то зачем? – не утерпела Леля. Сорока пропустил мимо ушей ее вопрос и продолжал рассказывать короткими рублеными фразами:

– Мы узнали, что фашисты берут из лагеря военнопленных на работу. За проволокой, совсем рядышком, находились ремонтные мастерские. Работавшие там иногда приходили в лагерь за пищей. Вот тут-то и была зацепка для побега. Раздобыв буханку хлеба, мы вымазали свое обмундирование мазутом и все трое отправились прямо к воротам. Часовой остановил нас. Мы стали объяснять, что приходили в лагерь за хлебом и теперь идем на работу в мастерские. Это был единственный шанс на спасение. Стоим и ждем, что скажет огромный рыжий верзила, наставивший на нас автомат. А он не торопится. Зыркает глазками. Казалось, прошла не минута, а целая вечность. И вдруг как гаркнет: «век», значит, проходите быстрее. Клюнул все-таки! Первый пост пройден. Но дальше еще два. Неужели и там будет такой же осмотр? Но, к счастью, там поверили первому часовому и нам открыли шлагбаум. Это было в десять утра, а через несколько минут мы уже сидели в огромном чане из-под капусты на бывшем городском овощехранилище. Фашистам, конечно, и в голову не пришло заглядывать в вонючий чан…

– Странный часовой вам попался, – удивился кто-то из командиров. – Доверчивый какой-то.

– Слишком верили они в свою легкую победу на первых порах. Это сейчас их на мякине не проведешь, – заключила Леля.

Сорока, кажется, впервые улыбнулся:

– Вот и вся история. Нам просто повезло. Рассказывать же, как уходили, где скрывались, думаю, не интересно, да и долго. У других хлеб отыму…

– Верно, – сказал Спрогис. – Обо всем не надо, а вот о том, как белым днем на виду у гитлеровцев вы всей группой в лес ушли, рассказать надо. Это поучительный пример. Так что, давай выкладывай.

– Так там тоже все просто было, – сказал Сорока. – Зима. Рассветает. А мы, двадцать вооруженных автоматами десантников, кукуем в чистом поле меж двух деревень. Оглянулись – батюшки! Рядом с нами по дороге топает эскадрон фашистов. Вот они, миленькие, на автоматный выстрел от нас. Что делать? Обратно в лес – не успеть. Принять бой – гибель. Перебьют, порубят… Единственное спасение – полное спокойствие. Даем кавалерии понять, будто мы ихние, «свои», значит, идем на задание и потому нам плевать на все и вся. И это нас спасло. Фашисты легкой рысью проскакали по дороге и спрятались в деревне, где топились избы. С ночного задания, видать, возвращались. Замерзли, бедолаги, торопились обогреться.

Огнивцев засмеялся:

– Они, как видно, просто не захотели вступать с вами в бой. Кому охота по глубокому снегу лезть под русские пули, когда рядом теплые избы и пахнет жареным мясом да шнапсом.

– Вот именно, – кивнул Сорока, – Одежонка на кавалеристах фюрера была паршивая. Легкие шинельки, платки и конские попоны.

– А вы-то в чем шли?

– Мы – в теплом белье, свитерах и ватниках, шапках-ушанках.

– Как же они вас не опознали?

– А мы ребята ушлые. Еще при выходе из леса на их собственный манер повязали головы разными тряпками, платками…

– Видали? – кивнул Спрогис. – Учись у Сороки, ребята! У него находчивость и хитрость на каждом шагу.

– Смотри, командир, не захвали его. Сглазишь – зазнается, – осторожно сказал Огнивцев, которому все больше нравился Сорока, по мере того, как он раскрывался.

– Ладно. Не будем. Конец войны еще далеко, встреч разных будет немало. Доложи-ка лучше, Григорий Яковлевич, что у тебя сегодня? Как приземлились? С кем установили связь? Что разведали?

– Приземлились благополучно, только у Михаила сапоги в воздухе слетели.

– Нашел?

– Нет. Лапти выпросили у сельского деда.

– Плохо. Дальше?

– А дальше разыскали ребят из группы Бориса Николаевича Вацлавского и отправились на поиски Лели Колесовой. Искали долго, по всем окрестным деревням расспрашивали, но никто о девушках-десантницах ничего не знал.

– Стали бы мы себя афишировать, – сказала Леля. – Кино в сельском клубе, что ли?

– Да-а, – вздохнул Сорока. – Девушкам не повезло. Трое разбились. Не раскрылись парашюты.

Как потом расследовали командир и комиссар, девушки выбрасывались с самолета на малой высоте с парашютами, которые открывались не автоматически. Это требовало большого самообладания и натренированности. Этой подготовки, к сожалению, у них не было. Ни одна из них до этого даже ни разу не прыгнула с парашютом с самолета. Некогда было.

Огнивцев ужаснулся, услышав это. Он вскочил, надвинул на глаза фуражку и побрел между берез.

– Что это с ним? – спросил Сорока.

– Не трогайте комиссара, – ответил Спрогис. – Переживает. Он ведь знал их всех наперечет…

Огнивцев не мог знать, кто именно те трое… Глупая смерть. Он помнил всех двенадцать в лицо, потому что не раз видел их в военном городке – там, в резерве. Такие жизнерадостные, нежные, милые… Завидев их, бойцы останавливались, заламывали пилотки, вздыхали. В простеньких красноармейских гимнастерках, юбчонках «хб», в аккуратно отутюженных пилотках они были изысканно нарядны и привлекательны. Кто из них, двадцатилетних парней, не мечтал дружить, а то и соединить сердце с такою?! И вот… могильные холмики на белорусской земле в деревне Липовщина.

Как же так?.. Почему и кто халатно отнесся к подготовке девушек к прыжкам с таким парашютом, наперед зная, что их будут выбрасывать с малой высоты? Почему не было специальных тренировок вплоть до прыжков с самолета?

Сердце окатило горячей кровью, когда комиссар на миг представил себе глаза тех троих, на которых неумолимо надвигалась земля, и свист ветра заглушил последний вскрик «ма-ма-а!»

Плечо комиссара уткнулось в холодный ствол березы, кулак тяжело опустился на корявую кору. Придя в себя, он вернулся.

– Нет! Этого простить нельзя! Виновных нужно разыскать и спросить с них по законам военного времени! Все недоделки, всяческую халатность при исполнении своих обязанностей, тяжелые проступки и преступления списывать на войну нельзя. Особенно когда от того гибнут люди и страдает дело. Об этом мы сегодня же сообщим в штаб фронта и попросим, чтобы должностные лица, коим предписано заниматься десантной подготовкой, занимались ею по-настоящему. На нас с вами все это сказывается!

– Прав комиссар, – подтвердил Спрогис. – Вместе доложим.

Этот неожиданный эмоциональный всплеск на минуту всех выбил из колеи. Но разведчики быстро взяли себя в руки. Деловой разговор продолжался.

– Сделано пока мало, но без работы не сидели, – докладывал Сорока. – За июнь и июль пущено под откос всего двенадцать фашистских эшелонов. Уничтожено, правда, немало вражеской техники и живой силы противника. Повреждены несколько десятков километров проводной связи.

– Хорошо! Молодцы! – похвалил Спрогис. – Не прибедняйтесь.

– Могли бы сделать и больше, да фашисты всполошились сразу же после гибели второго их эшелона. На железной дороге появилась охрана. Из конца в конец постоянно шныряла дрезина с автоматчиками. По обе стороны начали вырубать лес. Скорость движения поездов была значительно снижена. Хуже того, для охраны дороги фашисты начали выгонять население. На девушек и бабушек да на детишек переложили гады ответственность за подрыв нами воинских эшелонов. Это, конечно, осложнило дело, но все же мы ухитрялись обводить фашистских негодяев. Выходили в чистое поле, где не было населения, и расправлялись с поездами там.

– Вот это особенно благородно! – похвалил комиссар и встал нахмуренный. – Мы не имеем права подводить местное население. По многим фактам известно, что фашисты берут заложников и расстреливают их пачками. А ведь это безвинные люди. Под дулами пулеметов они наверняка кричат: «За что же? За что?» Помните об этом, товарищи. Прошу вас… И требую! Продолжайте, Григорий Яковлевич.

– Установили связь с жителями окружающих селений, а также с некоторыми путейцами железной дороги Минск – Москва. Надо сказать, встречали нас братья-белорусы радушно. В деревне Прудок мы, в частности, познакомились с семьей Кришталь. Глава семьи Алексей Филиппович, его жена Клавдия Васильевна и дочь Нина приняли нас как родных. Когда я вошел первый раз в их избу в полной военной форме с орденом Красного Знамени на гимнастерке, они не знали, где нас усадить и чем получше угостить. Тут и расспросы, о Москве, и слезы радости… А когда зашла речь об их помощи, нам в ответ были слова: «Готовы помочь всей семьей». По моей просьбе Алексей Филиппович на другой же день ушел в местечко Крупки, а Нина – в Толочино. Выполнили наши поручения – лучше не пожелаешь. Семья рисковала, но всегда смело шла на любые задания. Большую помощь в нашей работе оказывают белорусские партизаны, в частности, из отрядов Свистунова и Изохи.

– Какие группы были организованы в отряде и кто именно был в группах? – вставил слово Огнивцев, привыкший всегда к точности и хорошему знанию людей.

– В подрывную группу входили Федор Чугунов, Леша Рухов, Валентин Северов и Ира Соловьева. В разведгруппу – Дмитрий Сережин, Клава Мирорадова и Миша Питраев. Все они оказались преданными нашей Родине, смелыми и отважными воинами.

В заключение своего доклада старший лейтенант Сорока сообщил, что с начала сорок второго года оккупационные власти начали усиленно создавать полицию в крупных населенных пунктах, насильно заставляли мужчин, из числа местных жителей, служить в ней. В последнее время даже сам бургомистр города Борисова рьяно взялся за это дело и самолично включился «в вербовку» местных жителей в полицию.

Огнивцев был доволен докладом Сороки, но чувств своих не выражал. Надо еще присмотреться к этому разведчику. Кажется, он способен на более серьезные дела. Но это все еще впереди.

А Сорока, достав из кармана то ли кусок полотенца, то ли обрывок простыни, служивший ему вместо носового платка, отчаянно тер лоб и шею, мокрые от напряжения.

Девичий «атаман»

Колесная дорога, поросшая на обочинах подорожником. Колеса. Колесово… Не та ли удалая, лихая, бесстрашная в нужде и горе некогда колесная, всегда вечная и бесконечная Русь породила всей историей своей эту светло-русую миловидную отчаянную девчонку на радость своему народу и на погибель врагу? Не этой ли дочерью повелела ты, мать-Россия, поколениям своим гордиться во все времена и всем поколением?

Как же ты попала сюда, в стойбище врага, в края, сожженные войной, Леля Колесова? Нужда какая-то заставила тебя или ты сама, несмотря на слезы родных, по зову чистого сердца своего ушла из отчего дома и взяла в руки оружие отмщения?

Да. Она, двадцатидвухлетняя девчонка – уроженка самой коренной Руси, родилась и выросла в деревне Колесово, затерявшейся где-то в Ярославской области. По имени той деревни ей – Елене, по прозвищу Леле – и досталась отцовская фамилия Колесовых. Она хорошо помнила ту старинную колесную дорогу, по которой в первый раз ее повезли на Волгу, в Ярославль, покупать первое ситцевое платье в школу. Так и началась ее дорога – от школы. Потом, уже много лет спустя, уже в военной гимнастерке и кирзовых сапожках, сшитых по ноге военным умельцем, она приезжала из Московского военного городка навестить родную деревню перед самой отправкой на фронт. А до этого Леля три года жила в Москве, в 39-й квартире дома номер семь на Метростроевской улице и работала учительницей, а затем пионервожатой в 47-й школе.

В октябре сорок первого, когда враг подошел к Москве, Леля Колесова простилась со своими мальчишками и девчонками и ушла добровольцем на фронт. Туда, где денно и нощно гремело, гудело, ухало. И это совсем близко от Москвы.

В добровольческом полку говорили, что она не боится ни пуль, ни снарядов, а во время бомбежек ходит по траншее и подсмеивается над теми, кто, как страус, прячет голову в песок. Все это и правда, и неправда. Она боялась смерти. Но выше страха за свою молодую жизнь у нее была ответственность за землю русскую, за ставшее родным Подмосковье, за тех первоклашек-третьеклашек, которые остались в школе, где она работала, проводив ее со слезами навзрыд на войну.

Смелую, не по годам серьезную и отчаянную девчонку заметили командиры разведчиков, она показалась способной на их трудные дела. Велика ответственность быть рядовым разведчиком. Но во сто крат ответственнее и труднее быть командиром разведчиков. А она стала им. Как ей доверили такое дело? Глядя на молодую девушку, не имеющую ни заслуг, ни воинского звания, не относящуюся хотя бы к категории младшего комсостава, не трудно было отмахнуться от нее. Мол, куда там тебе! Не женское это занятие быть разведчицей. Но кто-то из умных и проницательных начальников увидел в Леле Колесовой прекрасные задатки характера, которые можно было развить и упрочить. Ее, не колеблясь, назначили командиром разведгруппы девушек, уходящей за линию фронта, в тыл врага.

В ту пору в Подмосковье было тесно от оккупантов. Снега пестрели от лягушачьего цвета шинелей гитлеровских солдат. В каждой избе, в каждом обогретом месте их было как клопов. На каждой дороге, тропе злые выкрики «хенде хох». Но разведчицы под командованием девушки из Ярославля просачивались, протискивались, пробивались огнем сквозь вражеские заслоны, добывали сведения и уничтожали все то, что им было приказано уничтожить. И не случайно в январе сорок второго года в клубе войсковой части, где они тогда находились, под бурные аплодисменты бойцов и командиров Елене Федоровне Колесовой, а попросту славной разведчице Леле, был вручен орден Красного Знамени. В наградном листе для представления ее к этому ордену было написано:

«Отважная московская комсомолка Колесова Е.Ф. с октября 1941 года в качестве командира разведывательно-диверсионной группы принимала активное участие в разгроме немецких войск на подступах к столице. Выполняя боевые задания, героически сражалась с фашистами, минировала шоссе и железную дорогу в тылу врага, нарушала линии связи. Возглавляя группу из девушек, совершала неоднократно нападения на мелкие группы противника, поджигала его склады с боеприпасами и продовольствием. В качестве командира отделения девушек сражалась на линии фронта в составе стрелкового подразделения. Уже в 1941 г. Колесова Е.Ф. своими героическими подвигами в тылу у противника стала известна всей стране».

Весной сорок второго года, когда в Москве растаяли последние валы снега и просохли мешки с песком на баррикадных заслонах, Леля Колесова и ее одиннадцать подруг (теперь она возглавляла группу разведчиц-девушек) пришли на Красную площадь. Они сразу же привлекли внимание военных парней. Завязалась полушутливая переброска словцами:

– Оставьте адресок, красавицы!

– Давайте познакомимся!

– Опоздали, ребятки!

– Вас уже засватали?

– Да. Мы просватанные.

– Тогда другое дело. На свадьбу приглашайте.

– Пригласим, дайте срок…

Из группы военных парней к девчатам подошел младший лейтенант с орденом Красной Звезды на гимнастерке.

– Вижу, вы, как и мы, тоже пришли попрощаться с Красной площадью?

– Да. Угадали. Уезжаем.

– На фронт?

– Куда же еще…

Они пошли с ребятами вместе, плечом к плечу, притихшие, торжественно-молчаливые, думая о своем, рассматривая и запоминая очертания Мавзолея Владимира Ильича Ленина и величественной площади.

– На какой фронт, простите, если не секрет?

– На невидимый…

– Мы тоже…

Да. Они улетели на невидимый фронт – в леса Белоруссии, на Березину. Их было двенадцать. Двенадцать отважных, на все готовых во имя своей Родины советских девушек-патриоток, комсомолок, преисполненных ненависти к врагу и жажды мести. Вот их имена: Алевтина Лапшина, Зинаида Морозова, Нина Шинкаренко, Надежда Белова, Тамара Маханько, Вера Ромащенко, Татьяна Ващук, Ариадна Фанталова, Анна Минаева, Сима Лисова, Анастасия Алексеева и их командир Елена Колесова.

Они не получили должной парашютно-десантной подготовки. Однако это их не остановило. Они смело бросились из самолета навстречу неизвестности в темную апрельскую ночь 1942 года. Они знали одно: Родина в опасности! И если бы понадобилось пожертвовать двумя жизнями за нее, они сделали бы это так же беззаветно.

Группе была поставлена конкретная задача: систематически вести разведку, добывая сведения о силах и средствах фашистских войск, расположенных в Борисове и близлежащих районах, организовать диверсии не железной и шоссейной дорогах Борисов – Крупки. Перед отлетом друзья тепло поздравили их с получением важного задания командования и пожелали благополучного возвращения с победой.

Они верили в свою звезду, надеялись выполнить трудные задачи и вернуться опять к родимым очагам. Но… безжалостная военная судьба распорядилась по-своему. Три подружки: Тамара Маханько, Таня Ващук и Тася Алексеева разбились. Погибли. У них не раскрылись парашюты. Сима Лисова и Аля Лапшина во время первой же разведки в районе Выдрицы попали в лапы карателей.

– Что известно сейчас о них? – спросил Спрогис у Лели.

– Несмотря на то что мы ни на день не прекращали разведку в Борисове и деревнях, как ни пытались выведать через местное население – никаких следов. Точно в воду канули. Я на днях сама была в Борисове, разговаривала с надежными людьми – никто ничего не знает. По пути содрала с заборов несколько приказов и объявлений оккупационных властей. Некоторые из них представляют интерес. Вот они.

– Вникай, Иван Александрович, – кивнул Спрогис. – Наверняка пригодится для воспитательной работы с личным составом. Да и местным населением тоже. Теперь мы и за него в ответе.

Огнивцев взял у Колесовой листовки со следами засохшего клея, начал читать:

«Приказ полевой комендатуры г. Борисова об усилении оккупационного режима в г. Борисове.

Пункт первый. Для охраны города и объектов, имеющих военное значение, приказывается следующее:

– Запретные часы для гражданского населения устанавливаются с двадцати до пяти часов утра. Отдельные лица, имеющие пропуска, должны иметь при себе удостоверения от военной комендатуры. Лица, не выполняющие вышеизложенное, будут расстреляны. Пасти коров между военными учреждениями и в лесу строго воспрещается.

Пункт второй. Каждый гражданин, несущий трудовую повинность, должен в 7 часов утра быть у здания городского управления для распределения на работу.

Военный комендант – полковник
подпись».

Заинтересовало командира и комиссара и «Объявление германского командования». В нем говорилось:

«Первое. Кто будет захвачен при повреждении линий связи и других военных приборов – будет расстрелян.

Второе. За хранение боевого оружия, а также охотничьего, всякого рода радиоаппаратуры – расстрел. Все вышеупомянутые предметы должны быть немедленно сданы местным немецким властям.

Третье. О людях, не принадлежащих к городу, деревне, а также о бывших красноармейцах должно быть немедленно донесено. Кто этого не сделает и будет скрывать – будет расстрелян. Поддержка и помощь партизанам будет наказываться виселицей.

Четвертое. Покидать места жительства, сбор грибов, ягод и заготовка дров в лесах запрещаются. Кто будет встречен в лесах – будет расстрелян».

Комиссар с отвращением скомкал грязные листки. Вытер руки о траву.

– Вот так. За все только расстрел да виселица. И глас вопиющего в пустыне; «Помогайте немецким войскам – и вам будет лучше житься!» Сволочи, хамы! И они смеют говорить о лучшей жизни. Вот послушайте: «С сего числа для поставок в Германию вводятся следующие

обязательные налоги зерна, мяса, молока, яиц, масла, кожи, шерсти, раков, грибов, овощей, ягод, а также вводится налог на кошек и собак».

– Мерзавцы! – выругался Спрогис. – Раков захотели! Погодите, мы вам покажем, где русские раки зимуют. Покажем!.. – И тут же обратился к Колесовой: – Подведем итог. Ваша группа понесла весьма ощутимые потери в первые же дни. Хотелось бы знать, какие боевые действия вели оставшиеся девушки? Не растерялись после таких бед, которые выпали на вас?

– Пока сделано немного. Мы устроили на шоссейной дороге засады, сожгли две автомашины и убили восемнадцать фашистов. Пустили под откос четыре вражеских эшелона с боевой техникой, при этом вывели из строя четыре паровоза, свыше пятидесяти вагонов и платформ, два танка, восемнадцать автомобилей, шесть бронемашин и восемь противотанковых орудий. Ведем непрерывную разведку в городе Борисове, наблюдаем за бывшим военным городком в местечке Печи.

– Да это же здорово! Молодцы, девчата! – не удержался от похвалы Спрогис. – Древнегреческие амазонки позавидовали бы вам, честное слово.

– Позвольте мне, товарищ командир, – поднял руку, как на собрании, старший лейтенант Сорока. – Хочу кое-что поведать о нашем «девичьем атамане».

Участники совещания узнали такое о делах самой Лели Колесовой, что ахнули…

В июне 1942 года в одной из засад, устроенной девушками на шоссе Борисов – Орша, Леля метким огнем из автомата в упор убила сидевших в кабине автомобиля вражеского офицера и солдата, а месяц спустя днем бесстрашно пустила под откос большой эшелон.

Это ей поддало боевого азарта. Но подрывать поезда на перегонах Борисов – Крупки – Толочин становилось все труднее и опаснее. Фашисты все ужесточали, усиливали охрану полотна и мостов. Если раньше на каждом километре патрулировал лишь один охранник, то теперь, после целой серии взрывов воинских эшелонов, там стали вышагивать четверо. Два – в один конец, два – в другой. Ночью полотно железной дороги в опасных местах беспрерывно освещалось ракетами. Фашисты установили охрану и на переездах дороги. Здесь, как обычно, дежурили полицаи, которые знали в лицо жителей деревень и пропускали их на те или иные сельхозработы. Но изобретательный Лелин ум ухитрился найти щель.

В этот день на переезде было тихо. Прошла всего лишь старуха с девочкой лет десяти. Полицай по кличке Хведька ее и обыскивать не стал. Какая из нее диверсантка? Толкни пальцем – и повалится. Да и шла она не в лес, а на опушку, пособирать тут, рядышком, на вырубке, ягод. Она-то и хорониться не будет.

Хведька пропустил ее и строго приказал далеко от будки не уходить. «Иначе я тебя, беззубая, прикончу», – сказал он ей. И старуха исправно блюла свое обещание – ходила по вырубке туда-сюда, наклонялась, терла поясницу и охала от боли. Полицай некоторое время присматривал за ней, а потом отмахнулся: «Кому она нужна, трухлявая? Никого не поджидает». Однако спустя немного, полицай увидел, как из леса вышла женщина с запеленатым ребенком на руках. Она подошла к старушке, о чем-то с ней поговорила и, укачав ребенка, положила его под куст, а сама тоже принялась собирать ягоды. Хведьке это показалось подозрительным. Он решил проверить, кто такая, но женщина упредила его. Подбежав к нему, она, задыхаясь, прошептала:

– Там… в лесу, партизаны. Они готовятся взорвать дорогу. Бегите скорей на станцию и сообщите в Борисов.

– Врешь, дура! – воскликнул полицай.

– Свят бог, – перекрестилась женщина. – Сама видела. Их много – торопитесь! Только не бегите. Увидят – убьют.

– Спасибо… От Хведьки, – козырнул побледневший с перепугу полицай и поспешил к железнодорожной станции, расположенной в одном километре от переезда.

А женщина, обождав, когда полицай отойдет подальше, подхватила своего «ребенка» и бросилась на полотно железной дороги. Из байкового одеяла тут же извлекла маленькую

лопатку и солидный заряд тола. Несколько ловких движений – и смертоносный груз улегся в лунку. В один из кусков тола быстро вставлен взрыватель. В руках снова лопата. Грунт возвращается на место. На него укладываются обрызганные мазутом камни. Все готового для встречи эшелона, спешащего на восток. Уже гудят рельсы и подпрыгивает полотно. Надо уходить, но Леля Колесова спокойна и придирчива. Спина уходящего полицая растаяла вдали. Можно проверить, все ли сделано, как надо.

Леля подхватилась, взглянула с насыпи. Волосы у нее зашевелились под платком, по спине пробежали мурашки. «Что же это я?.. Как можно допустить такое?.. Там же старуха с девчонкой. Они вмиг погибнут под обломками вагонов, а если и выживут, то немцы все равно их расстреляют».

Она скатилась с насыпи, ухватила за руку старуху и девчонку, крикнула:

– Бабушка, бежим! Скорее, бабуся! Поезд идет… Сейчас взорвется.

– Чур! Чур тебя!.. Чего ему взрываться? Свихнулась ты, что ли?

– Ах, старая! Да бежим же… Бежим!.. Погубишь девчонку, – и потащила их к лесу.

Старуха пробежала несколько шагов, тяжело дыша, остановилась.

– Нет мочи. Не могу… Бегите вы… А мне все равно помирать.

Она поставила корзинку с ягодами, села около нее. Девочка присела перед ней на колени:

– Бабуся, идем!.. Идем же!..

– Иди… Уходи, внучка… Я тихонько пойду… Одна… А коль догонють… Што же. Какая же с меня партизанка?.. Отпустють.

Эшелон приближался. Его шум, похожий на шум ливня, стремительно надвигался на лес. Колеса вымолачивали что-то тревожное, стремительное.

К Леле подбежали девушки – ее боевые подруги:

– Ну что, командир? Как?..

– Все в порядке. «Дите» подложено. Сейчас крикнет: «мама»!

– Обстреливать будем?

– Нет. Отходить. Живо!! Помогите старушке!

– Есть!

Густой ельник едва успел укрыть отходящих от железной дороги. Лес всколыхнулся от сокрушительного взрыва. Эхо понесло по болотам и пущам грохот и скрежет падающего железа.

Девчата обняли Лелю. Загалдели, как на именинах:

– Лелька! Милая! Да ты у нас герой. Ура тебе! Ура, Леля!!

В тот же час, да и многими днями позже, никто еще не знал, что это был последний Лелин взорванный эшелон, ее последний личный победный салют Родине. Больше на железной дороге она не появлялась. Но еще долго будут ее искать оккупанты, суля в награду за ее голову десятки тысяч марок, шикарных дойных коров, десятки гектаров земли. Еще дольше будут жить легенды о ее дерзких вылазках и умопомрачительно смелых нападениях на оккупантов. За героические деяния ее благодарная мать-Родина назовет ее почетнейшим именем – Героем Советского Союза.

А пока девчата, возбужденные и радостные, шли знакомой тропой в свой лесной лагерь. Чавкала в сапогах болотная вода, шуршали о сухие камыши полы плащ-палаток, покрывала девичьи плечи, как парчой, золотая листва осин и берез. Красными огоньками горели вокруг гроздья спелой калины.

Леля на ходу сорвала одну веточку с крупным багрянцем соплодия, протянула ее подругам:

– Угощайтесь, девоньки. С кислинкой… Слепой проглянет.

– Эх, конфеток бы… «Ласточек» или «Мишек». Не худо бы и «Чио-чио-сан».

– Ох, девчонки, а мне хотя бы простых помадок!..

– Зачем они тебе? Ты сама помадка, – пошутила Леля. – Выйдешь замуж, муженечек не раз назовет помадкой. Попомни мое слово.

– Ах, Лелька! О чем ты заговорила? Неужто думаешь, что доживем до свадеб?

– А почему бы и нет? Мечтайте, девчата! Мечта даже смерть прочь гонит.

Они вышли на суходол. Леля сбросила с плеч плащ-палатку. Предложила:

– Садись, девчата. Передохнем…

Сели. Отдышались, вылили из сапог воду, пожевали сухарей, тихонько заговорили.

– А мне, подружки, почему-то больше что-то особое на думку идет, – призналась первой Вера.

– Это что же тебе такое особое припоминается? – спросила Нина.

– Грицко из нашего села не выходит из моей головы. Помню, мы с ним у криницы под луной одни. В первый раз такое довелось. Взял он меня за руки, нарядный такой, в белой вышитой рубашке, чубатый. Потупил свой взор и спрашивает, люблю ли я его? Мне бы признаться ему, сказать хоть намеком, кивком головы… А я сорвалась с места, как угорелая, как спугнутая птаха, и улетела, через край счастливая. Думалось: сколь дней еще впереди! Сказать про то еще успею. Не успела вот… Ушел мой милый парубок в могилу. Так и не узнал, что я его любила.

– Что же с ним? – спросила Белова Надя, вытянув в напряжении тонкую белую шею.

– Погиб в первых боях где-то под Перемышлем.

Рассказ оказался некстати грустным, и Леля поспешила его перевести.

– А в меня, девоньки, до войны заведующий магазином было влюбился. Солидный такой. Каждый день с коробками конфет приходил. Надоел до чертиков. Пришлось показать от ворот – поворот.

– Вот, дуреха! И зачем же?

– Развелся со своей женой. Старик – на целых десять лет старше меня. Да и конфеты носил не свои, а из магазина. Да. А потом я познакомилась с пареньком со стройки Дворца Советов. Хороший кавалер был, мечтательный. Мечтал подняться со мной на шестидесятый этаж, чтобы Москвой полюбоваться…

– А почему говоришь: «был»?

Леля грустно вздохнула:

– Погиб под Москвой. Фашистская пуля срезала.

Леля поняла, что вот и она в грусть впала, и потому поспешила встать. Властно приказала:

– Пошли, девчата. Солнышко садится. А нам еще одно болото пройти надо.

В лагерь они вернулись поздно вечером. Боевые товарищи не спали. Они сидели у костра и, прислушиваясь к шорохам ночи, ждали отважных девчонок во главе со своим «атаманом».

Слушая доклад Елены Колесовой, комиссар заинтересовался разведкой объектов противника в Борисове.

– Товарищ Колесова. Как вам удается при строгом пропускном режиме посещать город Борисов? Ведь это очень трудно?

– Нелегко, конечно. Но ходила туда. И не раз. Расскажу о своем последнем визите. Сижу я в кусточках недалеко от моста через Березину, по которому прогуливаются немцы и полицейские, и гадаю, как бы мне их обхитрить. Вдруг катит по дороге телега. Везет такой сухонький дедок флягу молока в Борисов. Я к нему: «Дядечка, подвези, тороплюсь в больницу». Глянула на него и опешила, не знаю, что делать. То ли садиться, то ли нет? На рукаве у него повязка полицая. Смотрю, остановил коня. «Садись, – говорит. – Подвезу. Только не знаю, провезу ли. Вить в Борисов никому дорогу не дают и из него никого не выпускают. Особливо женщин». – «Это чего ж у них такое неуважение к нам»? – спросила я. – «Да, говорят, бабу одну ловят, бандитку. Так что гляди сама, как бы тебя не сцапали. Мне что?.. Я не баба. К тому же пропуск имею молоко доставлять. На рукав нацепили повязку. Это значить, чтоб свои, стало быть,

ихние, молоко у меня не отнимали и не лакали по-собачьи прямо из фляги. Так что гляди, девка. Гляди. Могут и ссадить». – «Дяденька, родненький. А вы скажите им, что я ваша родственница». Старичок покачал головой. «Ишь ты! Родственница какая нашлась. Горазда ты, скорая на выдумку. А ежели проверют? Вить петля и тебе и мне. Ну да ладно, поехали, родс-твенни-ца… За живот хоть ухватись. Охай, будто занемогла». Я так и сделала. Полицай у въезда на мост все одно остановил: «Чья краля? Кого везешь?» – Возница замахнулся кнутом на полицая: «Не вишь, харя! Больной человек. В больницу срочно надоть». – «Ладно, езжай. Да не забудь на обратном пути пачку махорки». Только съезжаем с моста, опять проверка. Тут трое гитлеровцев стоят с автоматами. Возница взял из корзинки одну из трех банок простокваши и сунул проверяющим. Обрадовались, залопотали, банка из рук в руки пошла…

– Голодны, значит, господа арийцы, – заметил Спрогис. – Вы продолжайте, продолжайте, товарищ Колесова.

– Обратно из города вывез этот же старичок, и как только въехали в лес, соскочила с телеги да тут-то и была такова. Нет, вру. С опушки крикнула: «Спасибо, папаша!» Возница остановил телегу и долго смотрел вслед, махая кепкой.

Леля заправила под берет выбившуюся прядку волос, увлеченно продолжала:

– На том мое похождение не кончилось. Иду я лесной дорогой, себя веселю, что удачно прошла и вырвалась, и вдруг окрик: «Стой! Кто такая?» Глянула и обмерла. На дороге стоят полицаи, вооруженные немецкими винтовками. Один из них, рослый, откормленный здоровяк с немецким автоматом, подходит ко мне. Я по приметам сразу его узнала. Начальник полиции Станкевич – племянник Борисовского бургомистра. Душа загорелась выхватить из-под платка пистолет и прикончить гада. Но набралась терпения, стою. А он обошел вокруг меня, осмотрел с ног до головы и с вопросом: «Откуда, бабонька, идете?» – «Из Борисова». – «Чего ходила?» – «Табачку разжиться, соли». – «Ну, и как? Разжилась?» – «Выменяла, но все на мосту отобрали. Вот такие, как вы, с нарукавными повязками». – «Да-а, – растянул с ухмылкой Станкевич. – Там стоят еще те живоглоты. Мы вот вежливо обращаемся. И тем более с такой кралечкой. Только вот одного не пойму. Как же ты по лесу шла, и тебя не сцапали партизаны? А может, ты и сама партизанка?» – «Какая я партизанка? Мне не до этого. На моем иждивении больная мать и две маленькие племянницы, мать которых погибла при бомбежке. Вы меня сильно оскорбили этим словом, господин офицер, не знаю какого ранга, но, кажется, высокого». – «Ну, ну, не обижайся. Нечего злиться. Мы тут бабу ловим одну. Бандитку, атамана женского отряда. Здоровенная такая, мужиковатая. Из Москвы прислали ее сюда. Вся грудь в орденах… Сколько она нашего брата порешила! Ну, ничего. Все одно попадется. Словим». Я пожелала, как говорится, поймать кота за хвост и пошла. Но не тут-то было. Опять остановили: «Послушай-ка, красавица. А ты, случайно, нигде не видела ту московскую бабу?» Мне вдруг показалось, что он узнал меня. Рука снова потянулась под платок. Но нет. Гляжу, по другому делу остановил, заигрывать начал. Не отбиться. И тогда меня осенила хитрость. Делаю вид, что устала, и прошу указать избу в близлежащей деревеньке, где отдохнуть можно. Смотрю, обрадовался, засиял, завертелся, как гадюка. Сам дом указал и пригрозил своим собутыльникам: «Ежли кто сунется в хату поперед меня, убью сразу. Гляди у меня!» И ушли. А я, не заходя в дом, на огород – и в лес…

Леля чему-то улыбнулась.

– Вот теперь вся история со мною на этот раз.

Она не любила рассказывать о себе. Зато о своих подругах, их боевых делах говорила взахлеб, боясь упустить даже малейшую подробность. На совещании первой, кого она назвала, была Нина Шинкаренко, верная ее помощница. Леля полюбила Нину сразу, с первой встречи. Полюбила беззаветно за смелость, расторопность, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке и принимать удивительно своевременные и верные решения.

Тем более, что они ровесницы. Биография, конечно, у нее, как и у остальных девушек, короткая. Родилась в Краснодаре, в семье рабочего-железнодорожника. По национальности украинка, кандидат в члены ВКП(б). В октябре 1941 года по призыву ЦК ВЛКСМ, будучи студенткой третьего курса Центрального ордена Ленина института физической культуры, добровольно ушла в армию и в качестве помощника командира группы девушек неоднократно выполняла боевые задания в тылу фашистов. В составе группы Колесовой была выброшена в район Крупки. Неоднократно участвовала в засадах против немцев и полицаев. Вот и все, что можно рассказать. То есть, написать на анкетном листке для личного дела.

Никто из девчат группы Колесовой, кроме командира, не отважился взорвать вражеский эшелон днем. А вот она, Нина, в том же сорок втором году после глубоких раздумий, анализа наблюдений и сопоставления фактов решилась на это. Ставка у нее была на людскую привычку в жаркий летний полдень после обеда отдыхать. Господа фашисты это уважали. Они забирались в тень под навесами или в прохладу каменных железнодорожных будок и, оставив на полотне дороги по одному часовому, ложились почивать. Много дней никто не тревожил их блаженные полдни, так чего ж смущаться. Но однажды…

У полотна железной дороги, где лениво ходил, позевывая, разморенный зноем плечистый фашист, появилась женщина в черном траурном платке с маленьким веночком на руках. У нее было что-то завернутое в черное одеяло, похожее на запеленатого ребенка. Печальная, убитая горем, она шла прямо к охраннику. Тот хотел было выкрикнуть свое обычное «хальт!», но в будке путейца спали собратья, и он не стал их будить своим рыком, чего доброго, можно было и по шее получить от фельдфебеля. Было бы из-за чего тревожить их сон… И потому гитлеровец молча подпустил женщину к себе, брезгливо пихнул стволом автомата в одеяло.

– Вас ист дас, матка?

– Ребеночек… Мой мертвый киндер, – сказала и заплакала женщина. – Разве не видно… – она погладила ботиночек на мертвой ножке. Хоронить несу на кладбище… Ванюшей звали. Гансиком… Скончался от холеры… Холера… Очень плохая болезнь – холера!

Охранник шарахнулся в сторону.

– Шнель, шнель, матка! – и повел автоматом, чтоб скорее сматывалась.

А женщине в трауре этого только и надо было. Она перебежала через дорогу и, прикрываясь кустарником полосы снегозадержания, пробралась к повороту железной дороги. Там под рельсом быстренько «схоронила» своего «Гансика» – десять килограммов взрывчатки. Нина успела пробежать под окрик «шнель!» обратно в лес, а тут и поезд в пятнадцать набитых солдатами вагонов подоспел к месту «захоронения».

Двенадцать из них превратились в обломки. Из трех уцелевших прибывшая из Борисова зондеркоманда извлекла и увезла в Оршу раненых. Железная дорога на этом участке была выведена из строя более чем на двое суток.

Нина проявила себя и наблюдательной разведчицей. Она неоднократно ходила в Борисов и другие крупные населенные пункты, где располагались немецкие гарнизоны. В ее наградном листе в 1944 году будет записано:

«В качестве помощника командира группы неоднократно выполняла боевые задания в тылу врага под Москвой. 30 апреля 1942 года в составе группы Колесовой была выброшена на парашюте в глубокий тыл фашистов и пробыла там 26 месяцев безвыходно. Принимала активное участие в многочисленных боях с оккупантами. Лично ею на железной дороге Минск – Орша подорвано два железнодорожных эшелона противника с живой силой, артиллерией и танками. Принимала участие в восьми боевых операциях на железной дороге против вражеских эшелонов. В боях и засадах вместе с товарищами уничтожила до 25 автомобилей и 30 вражеских солдат. Большую работу провела по ведению разведки в г. Борисове и в других гарнизонах противника» .

Леля могла рассказывать еще и еще… Огнивцев особенно заинтересовался ее группой и пообещал встретиться с девушками при первой же возможности. После совещания он, уединившись, еще долго расспрашивал Колесову о деталях обстановки, столь важных для профессионального разведчика. Но там, на совещании, Спрогис молчаливым движением руки усадил ее на место и поднял очередного докладчика.

Борис Вацлавский

Даже видавшего виды Огнивцева удивила та бесстрастность и сугубо деловитый тон, с которыми докладывай очередной командир – Борис Вацлавский. Кратко, без эмоций, только о том, что представляет конкретную практическую ценность. Наверное, так отчитываются предколхозов на бюро райкома: сделано то-то и то-то, способствовало то, мешало это…

О Вацлавском Огнивцев знал только то, что его путь в разведку начался по призыву комсомола в октябре сорок первого года. Во Дворце пионеров Бауманского района столицы представитель разведотдела штаба Западного фронта майор Спрогис тщательно отбирал из числа лучших комсомольцев тридцать человек в отряд десантников и уже тогда обратил внимание на этого серьезного молодого человека. Впрочем, он уже был не очень молодым по тогдашним понятиям – двадцать семь лет! Кандидат в члены партии. Успел окончить Московский авиационный институт. Словом, не из желторотых школьников. И в военном деле не новичок: без отрыва от производства окончил планерную, парашютную и даже летную школу Осоавиахима, работал инструктором парашютного спорта на общественных началах. Родом – «почти» харьковчанин – из города Изюма. Но последние годы жил в Москве. И хотя желающих попасть в десантники было более чем достаточно, его взяли в отряд охотно.

Спрогис страшно обрадовался, что нашелся человек, который может помочь подучить и потренировать будущих десантников. Но тут же уточнил:

– С вышки прыгал или с самолета?

– И с вышки, и с ТБ-три, – ответил Борис.

– Великолепно! Видимо, с ТБ-три вам и придется прыгать.

Так впоследствии и получилось. Они спрыгнули с ТБ-3 на смоленскую землю, занятую тыловыми и резервными частями группы армий «Центр». Приземлились сравнительно удачно, но были обнаружены врагом и вынуждены были немедленно уходить в соседние леса.

У десантников началась жизнь и работа, полные тревоги и опасностей, с длинными переходами и короткими, но бурными, как майская гроза, схватками с группами и группками противника. Вести разведку и устраивать засады на виду у вражеских гарнизонов было безмерно трудно. Если в отдаленных, так называемых «тихих», местах немцы чувствовали себя сравнительно спокойно и позволяли себе порой благодушничать, то в ближайших тылах группы армий «Центр» и на главных коммуникациях передвижения войск их настороженность была куда острее. В узде крепко держало высокое начальство, которое устраивало в гарнизонах внезапные проверки и разгоны за ротозейство. А так как вражеские гарнизоны были натыканы где только возможно, то передвигаться десантникам с места на место было далеко не безопасно.

Однако даже в таких жестких условиях десантники Вацлавского, обосновав в надежном лесу лагерь, занимались своим делом. И довольно успешно. Каждый день в строго установленные часы в эфир летели позывные, и морзянка выстукивала:

«В сторону Смоленска проследовал воинский эшелон. На открытых платформах – сорок два средних танка. В пяти теплушках – личный состав».

«Из Смоленска на Оршу проследовал санитарный поезд. В десяти пассажирских вагонах – раненые офицеры. В теплушках – солдаты».

«На железной дороге между Смоленском и Оршей пущен под откос эшелон, идущий на запад с награбленным зерном. Уничтожено 20 вагонов зерна».

«На железной дороге Витебск – Орша, южнее Богушевска, взорван эшелон противника с живой силой. Уничтожено 12 пассажирских вагонов и до 150 фашистов».

И так изо дня в день мстили врагу бойцы группы Вацлавского за горе и лишения своего народа, за Родину.

Однажды у Вацлавского возникла мечта побывать поближе к Смоленску и разузнать поподробнее о ставке Гитлера в Красном Бору. Добраться до этого волчьего логова было заманчиво. Но заветная мечта разлетелась в пух и прах, когда дошло до реального воплощения. Во-первых, подступы к Смоленску были безлесные, прикрывались вражескими гарнизонами и были под тщательным наблюдением. И, во-вторых, верные люди сказали, что все это – камуфляж, а фактически ставка под Смоленском Гитлером заброшена. Он перебрался в другое место, куда-то восточнее Смоленска. Это сразу же поставило перед Вацлавским массу вопросов. Куда перебрался? Зачем? Что его вынудило? И есть ли возможность все-таки найти ставку и «познакомился» с нею поближе?..

Мало-помалу восстановились и некоторые подробности из истории создания краснoборской ставки бесноватого фюрера. На ее строительство было согнано до шестисот военных строителей, главным образом пленных. К ним фашистское командование подошло с большим «вниманием»: обещало после завершения всех работ освободить из плена и выдать пропуска для проезда к избранному месту жительства на оккупированной территории. Мол, работайте только побыстрее и старательнее.

У людей теплилась какая-то надежда выжить, вырваться из ада каторжных работ за колючей проволокой. Они, изнемогая от голода и усталости, работали. В короткий срок были возведены подземный бункер с трехметровым перекрытием, подсобные наружные и подземные сооружения, благоустроены окрестности: меж смолистых сосен проложены красивые дорожки, разбиты клумбы. Была также подведена колея железной дороги для стоянки вагонов, оборудованы автостоянки…

Фашистский генерал, руководивший инженерными работами и обещавший освобождение, «сдержал» свое слово. Как только на очередном объекте завершалось строительство и уполномоченные фюрера принимали его, пленных выстраивали со всеми их скудными пожитками и под звуки оркестра отправляли восвояси. Шли весело, поротно и повзводно – как же, ведь «домой»! Но ни один из них так и не вышел из Красного Бора. Все строители полегли под пулями автоматов и пулеметов. Варвары-фашисты очень боялись, что координаты местонахождения ставки Гитлера станут сразу же известны и партизанам, и советскому командованию. Но тайное так или иначе стало явным. Слух о кровавом злодеянии разнесся по земле. Подпольщики и партизаны, разведчики, действующие в тылу врага, первыми узнали о преступлении. Они еще крепче сжимали оружие. Летели под откос на железных дорогах фашистские эшелоны, горели военные объекты в Орше, Борисове, Могилеве…

Разведчики Вацлавского пробрались на аэродром в Орше, обнаружили там много самолетов и немедленно передали о них необходимые сведения в Москву. А когда пришли ночью наши бомбардировщики, то навели их на цель осветительными ракетами. Было уничтожено на земле более двух десятков гитлеровских воздушных пиратов.

Фашисты понимали, что все это дело рук партизан и особенно десантников. Им казалось, что развернула свои действия не какая-нибудь маленькая группа, а по меньшей мере целый батальон. Комендanты гарнизонов в городах Орша, Богушевск и Рудня собрали имеющихся в их распоряжении солдат, охранников и полицаев и начали прочесывать леса. Каратели шли густой цепью и, не видя цели, беспрерывно стреляли в белый свет, как в копеечку. Им было приказано: «Патронов не жалеть. Если не удастся перебить всех, кто попадется под руку, то хотя бы запугать местное население и партизан, чтобы впредь к Орше никто из них и близко не подходил».

Десантники и партизаны, разумеется, в открытый бой не вступали. Оставляя на пути карателей небольшие заслоны, они отходили в леса, плотным кольцом окружающие Витебск.

Как потом им стало известно из показания пленного, между руководителем этой операции и непосредственными исполнителями произошел такой диалог:

– Постарайтесь прижать банду десантников к реке Днепр, вытеснив их из леса в чистое поле, – наставлял карателей их командующий. – В безлесье им всем капут!

И каратели старались изо всех сил, оставляя преследуемым, как они думали, единственный свободный путь – к Днепру.

– Я не сомневаюсь, что успех операции за нами, – потирал руки довольный генерал. – Я глубоко уверен, что партизаны и десантники кинутся туда, где не стреляют. Их поведет инстинкт самосохранения.

– Логично, господин генерал, – подобострастно отвечал начальник гарнизона. – Кому же хочется умирать. Особенно молодым. Им все время мерещится веселая жизнь, хорошенькие девушки. Даже этим русским аскетам.

– Насколько мне известно, их командир – Вацлавский тоже не старик.

– Всего двадцать семь, господин генерал.

– Невероятно. Откуда в этом мальчишке столько ловкости и прыти…

– Не понимаю, господин генерал.

Генерал бросил цветной карандаш на разостланную на столе топографическую карту и вдруг осерчал:

– Что понимать? Тут и бременскому ослу все понятно. Он безнаказанно прошел по нашим тылам двести километров! Хорошо изучил нашу дислокацию, знает все входы и выходы. Это позор! Это черт знает, что такое! Скажите спасибо, что об этом пока не знает командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Бок. Он содрал бы с нас с вами погоны вместе со шкурами, доннерветтер!

– Этому не бывать, – сказал как можно увереннее собеседник, вдруг ставший белее стены. – Партизаны и десантники будут уничтожены, господин генерал.

Но операция гитлеровцев провалилась. Партизаны и десантники на юг, к Днепру, в безлесье, не пошли. Они с боями прорвались именно на север – в леса, примыкающие к Витебску.

За те умелые, мастерски проведенные от начала до конца боевые действия в 1941 году, за проявленные при этом мужество и самоотверженность Борис Николаевич Вацлавский был впоследствии удостоен ордена Красного Знамени.

12 апреля 1942 года диверсионно-разведывательная группа Бориса Вацлавского в составе 35 человек высадилась неподалеку от деревни Денисовичи, в 15 километрах южнее Крупки. Ее задачей было уничтожение вражеских эшелонов с живой силой и техникой, разрушение железнодорожного полотна, чтобы нарушить регулярное движение эшелонов по железной дороге Минск – Орша на этом участке. Группе предписывалось также вести непрерывную разведку противника и из засад истреблять фашистских оккупантов, следующих на автомобилях.

Вот собственно и все, что стало известно о Вацлавском и его группе участникам совещания. А всем хотелось знать о нем куда больше. Поэтому командир подсел к нему поближе и продолжил расспросы:

– Ваша группа, Борис Николаевич, находится здесь, в районе Крупки, более четырех месяцев. Вы могли бы поконкретнее доложить, что именно проделано вами за это время?

Вацлавский ответил сразу же, не задумываясь:

– Кроме ведения разведки в районах Борисов, Крупки, Толочино бойцами отряда пущено под откос десять железнодорожных эшелонов с живой силой, различной техникой и грузами. Сожжено также двадцать пять автомобилей. Убито и ранено в разное время более ста оккупантов.

Командир одобрительно хлопнул в ладоши.

– Конкретнее не скажешь. Сальдо приличное и явно в нашу пользу. А теперь припомните, кто из бойцов отряда отличился в этих дерзких действиях больше других?

– Если честно, то все. Делить не хочу. И все-таки самых отчаянных назову: сержанта Филиппова Василия Яковлевича. Как-то я его похвалил за храбрость в одном бою. А он мне в ответ: «У нас на Смоленщине все такие». Представляете, с тремя солдатами подорвал в Крупском районе два железнодорожных эшелона, а в засаде уничтожил автомобиль с девятнадцатью фашистами, в том числе обер-лейтенантом. Не хочет отставать от него и «орловский мужик», как он сам себя именует, сержант Гальчин Алексей Пантелеймонович. Родом он из Красинского района. Может, слыхали? В засаде с двумя бойцами этот орловец сжег автомобиль и в упор расстрелял двенадцать фашистов вкупе с офицером и фельдфебелем. В мае месяце он же между станциями Крупки и Бобр пустил под откос два эшелона. Один из них включал шесть классных вагонов с пассажирами, то есть солдатами и офицерами, и двадцать платформ с артиллерией и тягачами.

– А какие потери понесла сама ваша группа во всех этих стычках с оккупантами? – спросил молчавший все время до этого Огнивцев.

– Три красноармейца убиты, трое легко ранены. Потери, на мой взгляд, небольшие. Но и их можно было бы избежать. Вся беда в том, что не все наши товарищи имеют достаточный опыт диверсионной работы на железной дороге. Точнее, теперь уже «имели»…

– Какие у вас взаимоотношения сложились с местными партизанскими отрядами? – опять спросил комиссар.

– Самые хорошие, братские. Партизаны оказывают нам большую помощь в организации разведки, диверсий на железной и шоссейной дорогах. Особенно тесно связаны мы с отрядами Виктора Свистунова и Сергея Жунина. В свою очередь, мы сами, по мере возможности, помогаем им. В мае, например, передали двум партизанским группам двенадцать трофейных винтовок с боеприпасами, ручные гранаты, взрывчатку. Научили их обращаться с этим оружием, минировать железную дорогу.

– Ну, что скажешь, Иван Александрович? – обратился Спрогис к комиссару. – Не скучали ребята, правда?

– На мой взгляд, отряд товарища Вацлавского неплохо выполняет приказ командования Западного фронта. Многие бойцы, да и сам командир заслуживают не только благодарности, но и представления к правительственным наградам.

– Ну что ж… Подумаем после совещания, – заключил командир. – Кто у нас на очереди для доклада? Выслушаем всех, откладывать не будем.

– Алексей Бухов, – сказал начальник штаба Алексеев, – по кличке «Добрый».

– Ничего себе «добрячок», – пошутил кто-то, обратив внимание на хмурого на вид высокорослого, плечистого командира, который с достоинством, без излишней торопливости встал перед участниками совещания.

Все заулыбались, но тотчас приняли серьезность, как только Бухов, кашлянув в кулак, стал докладывать о своих делах.

Алексей Бухов

Наш народ богат талантами. Но проявляются они, его таланты, во всем своем блеске не сразу, не вдруг, а набирают силу, как ручей от ключа, пробившегося сквозь пласт земной, а потом река от тех ручьев.

Алеша Бухов рос в своей рязанской деревушке Пустошино незаметным, тихим, скромным пареньком. Как и все его ровесники, пас скот, работал с родителями в поле, на огороде, гумне, гонял тряпичный мяч по выгону, ловил в речушке пескарей, лазил по деревьям, царапая до крови живот, ходил с холщовой сумкой в начальную школу, бегал в избу-читальню слушать удивительные передачи «из ящичка» – по радио, внимать речам приезжих из Кораблино партийцев, агитирующих селян в колхоз… Он как губка впитывал в себя все, что видел и слышал. Мало-помалу формировался, потом и проявлялся его характер. Он одним из первых вступил в пионеры. С пионерским отрядом ходил в колхоз, собирал в поле колоски, мотался с ребятами по дворам и тащил в телегу нужное стране утильсырье, помогал неграмотным учить азбуку, шефствовал над колхозным сельхозинвентарем, помогал радиофицировать дома, разучивал новые песни… И как-то само собой получилось, что он стал признанным заводилой среди своих ребят. Вокруг него толпилась детвора, ждала от него новых интересных игр и дел.

После окончания семилетки он активно включился в комсомольскую работу в своем районе. Даже в Красную Армию Алексей ушел на год позже своих сверстников – его, комсомольского вожака, смышленого парня, попридерживали в районе, прочили руководящий пост в райкоме комсомола. Сам Бухов тоже мыслил навсегда остаться в своем районе. Об армейской службе, схватках с врагом, да еще в качестве разведчика, он и в голову не брал. Какой из него командир? Командир Красной Армии в его глазах – это человек, который обязательно должен иметь не только недюжинные знания, но и военный талант. Однако война распорядилась по-своему.

В 1941 году его призвали в Красную Армию и направили в учебный полк. Так он становится старшим сержантом. В должности командира стрелкового взвода Алексей принимает активное участие в обороне Москвы. За умелое командование своим подразделением, личный героизм и отвагу, проявленные в боях за столицу, он награждается правительственной наградой. Вскоре ему присваивают звание «младший лейтенант».

Летом 1942 году Бухов добровольно изъявляет желание отправиться в тыл фашистов на специальное задание. Разведотдел штаба фронта назначает его командиром группы под кличкой «Добрый».

Узнав об этом решении от батальонного комиссара, Бухов тогда всерьез задумался о себе, о своих делах. «Значит, что-то я делаю лучше, чем другие, и командование увидело у меня задатки командира, разведчика. Это хорошо. Но справлюсь ли я, сумею ли оправдать такое большое доверие? Лучше сейчас получить на этот вопрос честный ответ, чем потом подвести себя и других».

О своем сомнении Алексей откровенно сказал комиссару. А тот по-братски обнял его и сказал:

– А ты думаешь, я родился профессиональным разведчиком или меня долго учили в школе? Ничего подобного! Партия велела, командование приказало, а мудреную нашу науку преподнесла сама боевая жизнь. У тебя, Алексей Андреевич, уже есть боевая закалка. Неплохо воевал под Москвой. Смел, глазаст, хладнокровен, находчив, физически развит хорошо, отлично владеешь оружием – основа прекрасная! Без этих качеств разведчика не будет. Что же касается специальной подготовки, то мы с вашей группой займемся вплотную. Не беспокойся. Потерпи малость. Все придет, что нужно для победы над врагом.

– Мне бы получше изучить обстановку в тылу у фашистов, поглубже познакомиться с основами организации разведки. Да и топографию основательнее изучить. Я пока в ней ни бум-бум…

– Вот этими вопросами мы и займемся.

– С большой ли группой придется идти в тыл?

– Нет, группа небольшая. Радист и две девушки-разведчицы. Радист будет с вами на нелегальном положении, а девчата по замыслу должны устроиться на работу в немецкой администрации и оттуда передавать вам необходимые сведения. Мы вас познакомим с ними. Готовиться будете вместе. Идти пешком в тыл врага вам, конечно, не придется, в нужный район мы вас доставим на самолете и выбросим с парашютами.

Вскоре начались занятия. Девушек и радиста представил Бухову, командиру группы, сам комиссар, работавший в то время в разведотделе штаба Западного фронта.

– Прошу любить и жаловать, – начал он с шустрого семнадцатилетнего паренька в поношенной, но чисто простиранной и тщательно отглаженной гимнастерке. – Радист Валентин Васильевич Девяткин. По легенде Оленев Виктор Васильевич, а в эфире «Абрам». Запомнили?

– Да, запомнил, товарищ комиссар.

– Хорошо. А теперь познакомимся с представительницами прекрасного пола. Вот эта чернооkая – Аня Куликова. А эта блондиночка – Настенька Лисина. Но это только здесь, только для нас. Там, в фашистском тылу, Аня уже не Аня и не Куликова, а Бирюкова Ольга по кличке «Белка», блондиночку наречем Коваленко Любой – «Горностаем». Красиво звучит? А? На этом романтика кончается и начинается большой серьезный и опасный труд.

– Рад познакомиться, – протянул руку Алексей.

– Мы тоже, – ответили девушки и чуть растерянно улыбнулись.

– Что вас смутило? – спросил комиссар.

– Да, так… Думали, что командир наш будет постарше возрастом, с усами.

– А он, наверное, еще ни разу не брился, – пошутил комиссар. – Не знает, как бритву держать.

– Ничего, девчата, – посмелев, сказал Алексей. – Вот возьму и отращу…

– Подождем.

– Ну вот знакомство и состоялось, – подвел итог батальонный комиссар. – А теперь прошу садиться. Начнем наши занятия. Поговорим о том, что вас ждет в белорусских лесах и что нужно будет сделать для выполнения боевой задачи. Да вы подсаживайтесь ближе к столу, к карте… Все, все, не стесняйтесь.

Разведчики окружили стол. Рядом с комиссаром примостился Бухов.

– Так вот, товарищи, – начал комиссар. – Борисов, стоящий на правом берегу Березины, небольшой городок. Но в планах немецкого командования он важен. И даже очень. Как видите по карте, он прикрывает собой Минск с востока на случай наступления нашей армии. Река Березина – важный водный рубеж, который может быть использован как оборонительный. Правый берег на большом протяжении крут. Левый – низменный, заболоченный. Город стоит в сосновом лесу. На окраине города, в Печах, в полной сохранности остался бывший военный городок нашей кавалерийской дивизии. Все это и дает возможность оккупантам держать там значительный гарнизон, состоящий из частей и подразделений разных родов войск. Через город проходят важнейшая железнодорожная магистраль, автодорога Минск – Москва. Не исключено, что именно здесь, в лесах, размещены и укрыты склады с боеприпасами и горючим. Но это все предположительно. А конкретно, что там, какие войска и техника, их численность, – мы не знаем. Поэтому первая задача вашей группы – установить состав гарнизона в городе Борисове и его окрестностях, номера частей, рода войск, расквартирование, количество боевой техники, транспорта… Ну и, само собой понятно, следить за передвижением войск по железной и шоссейной дорогам Минск – Москва.

Батальонный комиссар умолк и выжидательно поднял глаза на своих подопечных.

– Понятно-о, – проговорил Бухов. – Задача не из легких…

– Да. Мы это понимаем. В один заход ее не решить. Потребуются дни, недели, возможно, месяцы, прежде чем вы проникнете в стан оккупантов. Знаем, вам будет очень трудно и очень опасно. Но проникнуть надо. Всю надежду мы возлагаем на вас, Аня и Анастасия.

– Мы готовы на все, – ответили девушки и встали.

– Спасибо. Сидите. Приказ еще не отдаю. Нам с вами еще предстоит серьезная работа по подготовке группы. А сейчас идет просто разговор, предварительное знакомство с малой толикой того, с чем вам наверняка придется встретиться. Мы достали вам, девушки, надежные документы, подтверждающие вашу легенду. Однако это еще полдела. Вам надлежит по этим документам, проявляя собственную хитрость, смекалку, напористость, войти в расположение, доверие местной администрации и устроиться на хорошую работу. На такую, которая давала бы вам возможность многое самим видеть и знать. Больше того, выезжать из города и передавать через надежных людей разведывательные данные своему командиру – вам, товарищ Бухов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.